



Дия Гарина
Найти то...
Серия «Пойти туда», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=638215
Найти то...: Гаятри; 2005
ISBN 5-9689-0025-3

Аннотация

Сплошные беды сваливаются на главного героя авантюрного романа «Найти то...»! Сначала – полная амнезия. Осмотрев себя, герой выясняет, что на грудь нанесены руны, на руках страшные порезы, мизинца нет, как нет и малейших проблесков понимания: кто он и что делает в темноте на железнодорожных путях.

Изрядно попотев, наш герой обзаводится информацией о себе, но по-прежнему сам ничего не помнит... Его сын, жена и друг похищены двумя загадочными группировками, которые требуют от него срочно все вспомнить. Старые друзья помогают обрести память, близких и – самое любопытное и опасное – осознать, что нужно непременно найти то, из-за чего вся эта катавасия началась.

«Найти то...» – продолжение авантюрного романа «Пойти туда...», выдержанное в лучших традициях хулиганского стиля Дии Гариной.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Дия Гарина Найти то...

Глава 1 У-у-уу-у!

Громкий и настойчивый звук упрямо рвался в уши, пытаюсь докричаться до моего помраченного сознания. А, идите вы все... Не проснусь и всё тут. Хотя заоритесь. Я, конечно, понимаю: некоторым бывает очень плохо, когда другим хорошо, но нельзя же так с больным человеком. Лежу себе, никого не трогаю-у-у...

У-у-уу-у!

Ну, все, вы меня достали! Сейчас открою глаза, и, кто не спрятался, я не виноват...

У-у-уу-у!

Черт! Если верить картинке, которая отразилась на сетчатке моих съехавшихся к переносице глаз, меня очень скоро действительно достанут... Из пронизанной лязгом и грохотом темноты на мою персону надвигались два исходящих электрическим светом пятна. Воистину было сказано, если видишь свет в конце тоннеля, убедись, что это не фары несущегося навстречу поезда... Вот именно, поезда!!! Сознание включилось рывком (как выяснилось спасительным), сделав ситуацию предельно ясной. Оказалось, что я просто-напросто лежу рядом со вздрагивающими под тяжестью надвигающегося локомотива рельсами, на которых удобно расположилась моя правая рука. «Па-ба-ба-бам!» – прозвучал в голове известный бетховенский мотив.

Оставшихся драгоценных секунд мне едва хватило, чтобы откатиться в сторону, освобождая путь возмущенно гудящему тепловозу. А как же, нас ведь учили уступать дорогу старшим. Страшно подумать, что случилось бы с поездом, не прояви я оставшейся от пионерского детства вежливости.

Удобно устроившись на спине, и вслушиваясь в мерный стук колес проносящегося мимо состава, я отрешенно созерцал звездное небо, одновременно пытаюсь сосредоточиться. Получалось из рук вон плохо. Проще говоря, совсем не получалось. И виной всему – потрясающая воображение головная боль. Насколько я помню, ТАК моя голова еще никогда не болела. Насколько я помню... Помню... Не помню! Ничего не помню!!! Ни имени, ни отчества, ни фамилии... Ни национальности, ни вероисповедания, ни сексуальной ориентации... Ни номера паспорта, ни серии пенсионного свидетельства, ни, даже, оборони царица небесная, ИНН! Па-ба-ба-бам...

Потрясенный до глубины души этим открытием я, перевернулся и попытался подняться. Как будто это могло помочь! И, тем не менее, я поднялся. Не скажу, что с легкостью, но все же. В голове, помимо боли, заезжанной пластинкой крутилась одна единственная мысль: амнезия, амнезия, амнезия, амне... надо что-то делать, надо что-то делать, надо... Тут, наконец, ноги, устав ждать от мозга членораздельной команды, самостоятельно пришли в движение и повлекли меня, словно ночного мотылька, на свет притаившегося в паутине рельсов вокзала.

Пока я шел, покачиваясь из стороны в сторону, и запинаясь обо все, что хотя бы на два сантиметра возвышалось над землей (а такого хлама обнаружилось немало), липкий холодный страх обволакивал сознание осенним туманом. Видел я по телевизору таких же потерявших память чудиков – жалкое зрелище! Меньше всего хотелось быть жалким. Хорошо, что на небе нет луны, завыл бы, ей богу...

Когда паника постепенно улеглась, а до вокзала оставался еще приличный кусок пути, я попытался свести дебет с кредитом. Ну, хорошо, (хотя чего уж тут хорошего), я не помню себя, но, может быть, вспомню что-то другое? Семью, например (ведь есть же у меня семья?), друзей, работу... В какой стране я живу, кто у нас нынче президент? Который сегодня день, месяц, год, век, в конце концов!!!

Стоп. Кажется, кое-что все-таки всплывает: век на дворе 21, год 200*, месяц, вроде бы, август. День... Нет, не помню. Ладно, пропустим. Время суток – ночь. Температура... что-то около двадцати градусов, но меня почему-то бьет озноб. Теперь займемся географией: местность – однозначно не Африка, не Австралия, не ... И тут мне под ноги ветер швырнул ободранный бумажный листок, очевидно являющий собой пережиток какой-то избирательной компании. Поверх сытого и благодушного лица среднего возраста и пола с пририсованными усами и рогами, красным маркером были выведены три вечные буквы. Слава богу, со страной разобрались, – здравствуй, матушка Россия!

Вот и вокзал. Внимательно прочел название города. Раза четыре. N****ск. Увы, ничего не дрогнуло и не откликнулось в моей обеспамятевшей душе. Москву помню, Питер помню, и еще много других крупных промышленных и административных центров, зазубренных на уроках географии. Только N****ск в их число явно не входит. А, ладно, где наша не пропадала?! Вот именно «где»? Ну, все, хватит таращиться на бездушные буквы, пора идти в народ. И я с вызывающим видом шагнул в зал ожидания.

Я прекрасно понимал, что после объятий с рельсами выгляжу не самым презентабельным образом в ярком люминисцентном свете. Даже скучающий сержантик транспортной милиции как-то сразу подобрался, стоило мне попасть в поле зрения его недремлющего ока. Он долго провожал меня взглядом, в котором чудилась тень, отдаленно напоминающая узнавание. Нет, вряд ли. Скорее просто бдит, на всякий случай: ну как я террорист-смертник? Кругом теплынь, а на мне измазанная джинсовая куртка, под которой очень удобно скрывать взрывное устройство... А может и правда террорист? Я на всякий случай начал энергично хлопать себя в поисках пояса шахида, и едва не взвыл в голос. Левую руку прострелила острая боль, мне даже пришлось на какое-то время прислониться к стене, чтобы поблекли вспыхнувшие в глазах звездочки. Как же я не заметил этого раньше? Левая кисть была кое-как обмотана грязным бинтом, оставляющим свободными только большой и указательные пальцы.

Я постарался, по возможности, аккуратно пристроить руку в кармане куртки, чтобы лишний раз не тревожить. Кстати, о карманах... Нужно проверить, не завалялось ли там нечто для меня интересное. Беглый осмотр дал неутешительные результаты: ни документов, ни бумажника, ничего, что могло бы дать хоть какую-то зацепку. Только рублей двадцать мелочью. Как раз хватит на бутылку минералки и хотдог. Ага, вот даже какие подробности всплывают в моей памяти. Собственно говоря, в ней осталось лишь одно белое пятно – я, любимый. Не помню даже, нравились ли мне эти самые хотдоги? В мягкой булочке, политые острым кетчупом... Не успел я додумать эту гастрономическую мысль до конца, как был скручен неожиданным приступом дурноты. Нет уж, с едой придется обождать. А вот напиться не помешало бы. И умыться...

Как по заказу передо мной жизнерадостно засияла вывеска платного туалета. Значит нам туда дорога... И, стараясь не обращать внимание на пристальный взгляд билетерши, я, предварительно оплатив посещение, направился в царство неисправных сливных бачков и невысыхающего кафеля. Но в данный момент меня интересовало в первую очередь зеркало. Я подошел к нему почти вплотную, прежде чем решился поднять глаза. В памяти не осталось ни намека на то, как мне полагается выглядеть. Ничего, это – дело поправимое. Сейчас я, наконец, познакомлюсь с собой.

Того, кого отразило беспристрастное стекло, вряд ли можно было назвать привлекательным субъектом. Я, конечно, предполагал, что выгляжу «не фонтан», но не до такой же степени! Из зазеркалья на меня смотрел мужик, которого жизнь решила попробовать на зуб, и свое намерение выполнила. Лет сорока, с давно нематыми длинными русыми патлами (это что, привет от хиппи?), с черной недельной щетиной, темными кругами вокруг глаз и характерным взглядом. Взглядом затравленного зверя.

Насилу оторвавшись от созерцания собственных лихорадочно горящих глаз, я приступил к дальнейшему осмотру. Наглухо застегнутая джинсовая куртка не первой чистоты, из под которой выглядывал высокий ворот четной водолазки, никак не вязалась с наличествующим в N****ске климатом. Может быть, я попал сюда из более холодных краев? Н-да... Нет смысла гадать на кофейной гуще. Лучше воспользоваться моментом и привести себя в относительный порядок. Итак, приступим к водным процедурам.

Я расстегнул рукава крутки и начал их осторожно закатывать, стараясь особо не тревожить перевязанную руку. И тупо уставился на покрытую бурыми пятнами повязку, обхватывающую мое левое запястье. Точно такая же обнаружилась и на правой руке. Н-да-а... Так я, оказывается, сторонник суицида? Очень мило! Каких еще сюрпризов мне от себя ждать? Повинуясь какому-то непонятному импульсу, я продолжал закатывать рукава, и был вознагражден зрелищем вдоль и поперек исколотых вен. Еще и наркоман...

Пока я умывался и пил пропахшую хлоркой воду, мозг безуспешно пытался найти иное объяснение тому, что видели глаза. Не может быть! Потому что не может быть никогда! Потому что я не такой... «Ага, видали мы таких „не таких“! Ты – наркоман, не удавшийся самоубийца, да еще бог знает кто, – ехидничал чужой голос на окраине сознания, – И твое законное место в психушке». «Нет, это не я. Не я! Не в моем характере вот так запросто устраивать себе кровопускания», – в отчаянии вопил другой голос, который я считал своим. «Может, ты не смог наскрести денег на дозу, вот и резанул вены, а память у тебя потом из-за ломки отшибло?», – не унимался чужак. «Но ведь сорокалетних наркоманов не бывает, – упорствовал я, – Кроме того, какой же наркоман забудет, на что он подсел? А я, хоть убей, этого не помню...» «Вспомнишь, когда припечет. Что же касается сорокалетних наркоманов, так они в двадцать пять на все сорок выглядят». И т. д. и т. п.

В общем, минут через десять такого препирательства с самим собой, я уже был готов смириться почти со всем. Наркоман? Хорошо. Самоубийца? Прекрасно, чудесно, изумительно. Я готов все это принять. Все... кроме, своего взгляда. Взгляда волка, угодившего обеими лапами в капкан и лишённого возможности их перегрызть. Нет, не тривиальная ломка привела меня на грань самоликвидации. Скорее, я предпринял попытку, хотя бы таким образом, избежать встречи с охотником. Жаль только, что не удачно. Или не жаль?

Отвлечись, наконец, от углубленного самокопания, я с удивлением обнаружил себя в зале ожидания, сосредоточенно следящим за секундной стрелкой больших вокзальных часов. Два часа, тридцать четыре минуты, двадцать две секунды. Нет, двадцать три... Теперь уже двадцать четыре. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы вернуться к реальности, даже если эта реальность меня абсолютно не устраивала, – другой-то все равно нет. Значит, будем исходить из того, что имеем и начнем жизнь с чистого листа. А для этого мне, в первую очередь, понадобятся новые бинты и таблетки от головной боли, которая, возмнив себя электродрелью, пыталась просверлить мои мозги насквозь. Может быть, уже начинается пресловутая ломка?

Круглосуточный аптечный киоск обнаружился прямо в зале ожидания. Сонная продавщица долго не могла понять, что именно от нее требуется, и все косилась на сержантика, бдившего неподалеку. Еще бы! С такой внешностью я внушал доверия не больше, чем Фредди Крюгер. Когда все необходимое перекочевало в мои карманы, а последние монеты в аптечную кассу, я развернулся и решительно отправился на свежий воздух искать место

для ночлега. Завалиться спать прямо здесь мне никто не позволит, – терпение сержантика не безгранично. Спасибо уже за то, что он у меня документы не потребовал, иначе вопрос о ночлеге отпал бы сам собой, а коротать ночь в «обезьяннике» мне совсем не улыбалось.

Выйдя на свежий воздух, я еще немного постоял на привокзальной площади, выбирая направление. Понятия не имею, куда тут можно податься. Поколебавшись еще немного, свернул направо, и двинулся вдоль железнодорожных путей, внимательно присматриваясь к окружающему пейзажу, что при редких фонарях оказалось делом весьма затруднительным. Постепенно до меня стало доходить, что иду я туда, откуда пришел, и очень скоро поравняюсь с тем местом, где очнулся и чуть-чуть не лишился руки. Оборони царица небесная...

И тут мне на глаза попало искомое: явно заброшенное одноэтажное здание, как говорится, без окон, без дверей. В том смысле, что в здании отсутствовали не только стекла и двери, но даже рамы и дверные коробки. Вероятно, в генах нашего многострадального народа за годы татаро-монгольской и прочих оккупаций, гражданских войн и революций закрепилась неистребимая любовь к тому, что плохо лежит. Но, несмотря на вышеперечисленные дефекты, мне эта развалюха вполне подходила. Не зима, в конце концов, была бы над головой крыша. И, отбросив последние сомнения, я свернул к черному провалу входа.

Когда до отсутствующей двери оставалось не больше трех шагов, в глубине здания мне послышалась какая-то возня и сдавленный женский крик. Па-ба-ба-бам... Я замер, и весь обратился в слух. Чтобы понять, что, собственно, происходит, много времени не потребовалось. Судя по непрекращающимся матам, девушка защищалась как могла, и насильникам (а их, по меньшей мере, двое) никак не удавалось сломить ее сопротивление.

За те мгновенья, пока я столбом стоял на разобранном крыльце, мне удалось узнать о себе гораздо больше, чем за все предыдущее время. Во-первых, я понял, что ориентация у меня самая, что ни на есть, нормальная, а во-вторых, что поговорка «безумству храбрых в дурдоме место», – как раз про меня. Потому, что без долгих размышлений подхватил валяющуюся на земле арматуру и, ловко крутанув ее несколько раз, чтобы привыкнуть к тяжести и балансу, решительно вошел внутрь.

Мне пришлось проследовать в самую дальнюю комнату строения, чтобы нос к носу столкнуться с тремя великовозрастными детьми, уже успевшими заткнуть жертве рот, частью ее же собственной блузки.

– Мужики, помощь не нужна? – поинтересовался я, пряча за спиной свое оружие.

Последовала немая сцена, даже девушка, прижатая к бетонному полу, перестала извиваться. Не знаю, за кого они меня приняли, но в разговор, вопреки моим ожиданиям, вступать не стали, и, наигранно лениво поднявшись, двинулись в мою сторону. В какой-то мере, мне повезло, – один из троицы остался удерживать девушку, с новой силой возобновившую попытки вырваться; так, что против меня оказалось всего двое любителей экстремального секса. Правда, у обоих обнаружили свои собственные средства защиты и нападения. Левый извлек из кармана нож, а правый – надо же – нунчаки. Интересно, умеет ли он ими вообще пользоваться, ведь, чтобы достичь желаемого эффекта, нужны постоянные упражнения. Вряд ли эти любители ночных приключений готовы тратить на тренировки, столько драгоценного времени. Но все это обдумывалось уже, как говорится, «в процессе».

Они не ожидали от меня такого... Собственно говоря, я сам от себя такого не ожидал. Понадобилось всего лишь несколько взмахов, чтобы на полу распростерлись два стонущих тела. Н-да. Как это ловко у меня вышло... Привыкли руки к топорам? Вроде на скинхеда я не тяну, а ведь куски арматуры – это их любимое оружие. Но о политической подоплеке можно будет порассуждать позже, а сейчас займемся третьим. Нет, не займемся. Кажется, из всей троицы он оказался самым сообразительным и благоразумно сиганул в окно.

Когда я подошел к девушке и протянул руку, чтобы помочь подняться, у нее вырвался полузадушенный кляпом вопль. Она попыталась отползти, но скрученное страхом тело не

повиновалось. Н-да-а. Как же скверно я выгляжу, если мой вид вызывает в ней такую бурю отрицательных эмоций. Медленно, чтобы, не дай бог, еще больше не испугать (хотя куда уж больше), я опустился рядом с девушкой на колени и, бормоча что-то успокоительное, осторожно вынул кляп, внутренне приготовившись к сверхзвуковому визгу. Нет, пронесло. Она только судорожно всхлипнула и вцепилась мою руку, да так, что ее хватке позавидовал бы любой бультерьер.

– Ну что ты, что ты... Уже все... В смысле, все хорошо, – понес я ободряющую чушь, – Вот ты сейчас встанешь и я тебя к маме с папой отведу. Сдам с рук на руки под расписку. А потом потребую, чтобы они тебя одну по ночам никуда не отпускали... Договорились?

– Я живу одна, – сообщила девушка, выбивая зубами мелкую дробь, и, вдруг заметив, что от ее блузки остались одни воспоминания, попыталась прикрыться руками. Но все, что нужно я успел разглядеть. И, честно говоря, не отказался бы взглянуть еще раз...

– Одна, так одна. Все равно я тебя провожу, а то один из них убежал, – кивнул я в сторону двух слабо шевелящихся парней, – Как бы отомстить не надумал... Вот, держи.

Я протянул девушке свою куртку и тактично отвернулся, не переставая при этом прислушиваться к шороху застегиваемой одежды. Я же говорил, что у меня с ориентацией все в порядке.

– С-спасибо большое, – от ее тихого голоса, что-то радостно затеплилось внутри, там, где у нормальных людей расположено сердце, – Если бы не вы... Спасибо.

Мы медленно шли по неизвестным мне улицам, очевидно, по направлению к дому прекрасной незнакомки. В том, что она хороша (во всяком случае, на мой вкус), я убедился, едва мы попали в круг фонарного света. Огромные глаза, копна непослушных рыжих волос, чувственные губы, и интересная бледность заставляли мой взгляд все чаще возвращаться к ее лицу. А если к этому еще прибавить, то что я видел перед тем, как одолжил ей свою куртку... Вот только с возрастом ошибся, предположив поначалу, что моей спутнице не больше двадцати. Теперь убедился, что, скорее, слегка за тридцать. Но это уже ничего не меняло. Приключение, начинавшееся как плохонький боевик, грозило перерасти в настоящий любовный роман. Господи, о чем я? Какой роман? Сам ведь еще не отошел от шока, в который повергло меня общение с зеркалом.

– Э-э-э. Послушайте, не сочтите за наглость, но, не скажете ли, как вас зовут? Я воспитан очень строго и не провожаю незнакомых девушек.

– Меня зовут Ирина Геннадьевна Лукина, – церемонно представилась она и, слегка замаявшись, добавила, – Для друзей – просто Ирэн. А вас?

Тут настал мой черед тянуть время. А что прикажете отвечать? Я ведь ни имени, ни отчества... и ни с того, ни с сего выпалил:

– Слава.

– Слава... – Ирэн явно ждала продолжения.

– Просто Слава. Без КПСС, – смущенно буркнул я.

– Вот и познакомились, – грустно усмехнувшись, подвела итог Ирэн.

И снова зависло томительное молчание. Нам обоим с лихвой хватало собственных тем для размышлений, чтобы искать еще какие-то общие.

– Ну вот, мы почти пришли, – голос Иры вырвал меня из состояния всестороннего обдумывания не совсем джентльменской мысли: как потактичнее напроситься к ней на ночлег, – А вам отсюда далеко до дома добираться?

– Разве это так важно?

– Конечно, – заверила она, – если далеко, можно вызвать такси...

Н-да. Не на такой ответ рассчитывал храбрый рыцарь, с риском для жизни вырвавший прекрасную даму из лап трехголового дракона. Хоть бы кофе выпить предложила, из вежливости...

– Нет, спасибо, обойдусь без такси, тут вроде не очень далеко...

Не посвящать же ее в мои проблемы! Если уж надел маску супермена, придется доигрывать эту роль до конца; жалость спасенной тобой женщины не лучшее лекарство для самолюбия.

– Если вы из-за денег отказываетесь, то я...

– Нет!

Ирэн только тихонько вздохнула, – в моем голосе прозвучало нечто, моментально отбившее у нее желание настаивать.

Мы уже подошли к ярко освещенному подъезду, в окружении аккуратных палисадников, когда, словно из-под земли, перед нами материализовался высокий парень. От неожиданности Ирэн вскрикнула, а я проклял момент, когда, уверовав, что опасность миновала, выбросил так выручивший меня кусок арматуры.

– Как ты меня напугал, Паша! Уф, – облегченно вздохнула моя спутница, – Что ты тут делаешь в такое время?

Парень напряженно молчал, мысленно разлагая мою персону на атомы. От его тяжелого взгляда, отсканировавшего меня сверху донизу, рефлекторно зачесались кулаки.

– Так вот, значит, какой твой новый хахаль? – Павел буквально выплюнул эту фразу, – Ну и несет от него, покруче чем от козла! Где ж ты такого красавца себе раздобыла: на свалке подобрала или в канализации выловила?

– А вот это не твое дело! Уйди с дороги, если не хочешь схлопотать неприятности.

– Неприятности? – ахнул он, – От него что ли?

– От меня! – сверкнула глазами Ирэн, и, схватив меня за руку, потащила в подъезд мимо обалдевшего Павла – Идем, Слава! Вечно в вашем районе отключают горячую воду, так хоть у меня помоешься.

От неожиданности я даже не подумал сопротивляться. Хотя какое там «сопротивляться», кто тут недавно мечтал о ночлеге в замке прекрасной дамы?

В стандартной пятиэтажке не предусматривалось лифта, и мы добросовестно отсчитали ногами все девять пролетов, ведущих на пятый вожделенный этаж. Последние ступени дались мне с изрядным трудом, все-таки я не в лучшей своей форме. К тому же головная боль, испуганная последними событиями, осмелела, обнаглела, и еще больше усилилась. А я по наивности считал, что сильнее голова болеть не может в принципе. Н-да-а. Придется первым делом глотать таблетки, иначе действительно могу прибегнуть к таким радикальным средствам от головной боли как гильотина, топор, и раскрытое окно пятого этажа...

Когда Ирэн распахнула передо мной дверь, которая массивностью и количеством замков не уступала дверям банковских хранилищ, мне стало ясно, что мечты идиота о замке (в нашем рафинированном представлении) сбылись. Белый мрамор, золото, зеркала... В этом рассаднике ампира, добытого средствами евроремонта, я ощутил себя приبلудной собачонкой, которая неизвестно чем приглянулась хозяйке, и которую теперь срочно нужно отмыть, подстричь и вообще привести в божеский вид, дабы соответствовала.

Надо же, никогда бы не подумал, что Ирина проживает в Версале. Что же в таком случае она позабыла возле развороченных железнодорожных достижений периода развитого социализма? Кой черт понес ее туда одну, да еще ночью? Но все это может подождать.

– Извините, у вас не найдется чем запить таблетки... – как бы между прочим поинтересовался я, и, поймав ее странный взгляд поспешил добавить, – от головной боли?

– Да, да, конечно, – засуетилась она, и, проведя меня на шикарную кухню, наполнила минералкой широкий низкий стакан, – пейте на здоровье. А я пока вам полотенце достану, и, пожалуй, бритвенный станок, если не возражаете.... Дверь в ванную вторая слева.

И удалилась в неизвестном направлении. Сколько же здесь комнат? Но меня сейчас и в самом деле больше всего интересует ванная. Оказывается реплика Павла, по поводу свалки

и канализации, запала в голову не только Ирине. Быстренько проглотив таблетки и проследовав к указанной двери, я нос к носу столкнулся с хозяйкой.

– Вот, возьмите, – она протянула мне полотенце, мужской махровый халат и «Жилет». – Пена для бритья там, на столике.

– Спасибо, – пробормотал я, и, уже взявшись за ручку двери, решился, – Скажите, а вы случайно не умеете бинтовать?

– Что бинтовать? – не сразу поняла Ирэн.

– Ну, раны... бинтовать... боюсь, что одному мне не управиться, – я совсем смутился.

– Так они вас ранили?!

– Нет-нет. Это еще раньше... Вот, – я продемонстрировал ей перевязанную руку.

– Можете считать, что вам повезло. Еще совсем недавно я работала медсестрой, так что как-нибудь справлюсь. Только не снимайте бинта, когда будете мыться. Мы рану потом обработаем чем положено, – в ней уже выиграло профессиональное.

– Спасибо. А бинт в кармане моей куртки.

– У меня и свой найдется. Мойтесь спокойно. Легкого вам пара...

– Фенькью, – решил я блеснуть знанием иностранных языков.

– Доодзо, – улыбнулась она в ответ, и, глядя на мою недоумевающую физиономию, рассмеялась, – Это по-японски «пожалуйста».

Вот и поговорили.

Ванна полностью соответствовала прочей обстановке. Зеркала и мрамор. Только на этот раз для разнообразия – черный. На его фоне мое извлекаемое из одежд тело выделялось контрастным пятном. Вооружившись станком, я подошел к зеркалу и... Нет, все-таки шок – это действительно по нашему, а я-то думал, что на сегодня сюрпризы закончились!

Первым бросился в глаза тонкий шрам, ровной розовой ниткой пересекающий горло. Везет мне, оказывается, на знакомство с режущими предметами. Но стоило моему взгляду переместиться чуть ниже... Сначала, мне показалось, что меня украшает своеобразная татуировка, – через всю грудь тянулись некие угловатые письмена. Что это значит? Я – последователь какой-то секты? На фига мне понадобилось вытатуировать на своей груди двенадцать скандинавских рун? Кстати, а откуда я знаю, что это руны? Вот эта первая – Ас, за ней, кажется, Яра... И почему я выбрал такой отвратительный розовый колер, под цвет шрама, что ли? И тут до меня дошло... Наверное сознание не смогло смириться с информацией, поступающей от глаз, и потому выбрало самое простое объяснение, но против фактов не попрешь. Это вовсе не татуировка, – руны на моей груди были кем-то аккуратно вырезаны, и если я хоть сколько-нибудь разбираюсь в шрамах, не больше года назад. Па-ба-ба-бам.

Кто же я, черт возьми, такой? Ничего не понимаю! Ни одной сколько-нибудь логичной версии... Придется устроить своему телу обстоятельный осмотр, вдруг оно приготовило для меня еще парочку сюрпризов? Сказано – сделано. Я битых пять минут вертелся перед зеркалом, но ничего необъяснимого больше не обнаружил. Только еще один шрам – на этот раз на правом бедре. Так вот почему мне казалось, что я слегка хромаю... Ну, ладно, хватит нарцисизма, пора вернуть себе человеческий облик. В душ!

Когда я выполз из ванной комнаты, распаренный и обессиленный, до глаз завернувшийся в неизвестно чей махровый халат (не хватало еще чтобы Ирэн ознакомились с рунами), она уже нетерпеливо ожидала меня на кухне. Готовая во всеоружии. Перевязочный материал, перекись и йод терпеливо ждали своего звездного часа.

– Долго же вы, – попеняла сестра милосердия, четкими движениями освобождая меня от бинтов, – я чуть было не уснула, пришлось выпить две чашки кофе. Когда закончим, вас тоже, так и быть, угощу.

Вместо ответа мне пришлось с энтузиазмом кивнуть, – после принятия обезболивающих (я на всякий случай утроил дозу) язык не слишком-то хорошо слушался хозяина.

Конечно, она все поняла, взглянув на мои запястья, но сделала вид, что ничего особенного в этом для нее нет. За что я был ей премного благодарен. В конце концов Ирэн – медсестра и повидала, наверное, всякое ... Но не такое. Вместо ожидаемых ровных разрезов, перед нами предстали две жутковатые рваные раны. Зубами я себе вены перегрызал что ли?

Надо отдать должное Ире, она сразу же взяла себя в руки и принялась колдовать с перекисью и йодом – раны были сильно воспалены и не носили даже следов медицинского вмешательства. Много времени на это не потребовалось и, когда мои многострадальные запястья обхватили мягкие белые браслеты, Ирэн осторожно начала разматывать забинтованную кисть. Я уже не ждал от жизни ничего хорошего и оказался таки кругом прав. Когда повязка похудела примерно наполовину, в глаза мне бросилась какая-то диспропорция, которая росла по мере освобождения руки от бинта. Н-да. Не оттопыривать мне мизинец, созывая верных собутыльников... Потому что оттопыривать теперь нечего.

– Это серьезная травма и заниматься ею должен специалист, – в голосе Ирины зазвучал металл, – Почему вы ничего мне не сказали?

– Потому что не знал...

Тут я не выдержал и раскололся.

Тик-так, тик-так, тик-тик-тик, так-так-так... Я блуждаю по глухим коридорам, а вокруг в живописном беспорядке и огромном количестве тикают часы. Самые разные. С кукушками и без, с маятниками, электронные, кварцевые, механические, даже, наверное, сверхточные атомные... Скоро полночь... или полдень. Минутная стрелка наползает на цифру «один». Я не успею, не успею... Но должен. Просто обязан найти выход до того, как прозвучит последний двенадцатый удар, иначе моя раскалывающаяся от боли голова превратится в тыкву. Нет, тыква, кажется, из другой оперы. Я мечусь, путаясь в поворотах, попадая в тупики и возвращаясь в места, где побывал уже не одну сотню раз. А эти чертовы часы, издеваясь надо мной, упрямо показывают снова одно и то же время – без одной минуты двенадцать. Я должен успеть... Успеть что? Неожиданно вырываюсь из замкнутого круга, и передо мной появляется длинный черный тоннель, в конце которого меня нетерпеливо ждет выход. Но и часы не дремлют, – вырвав себя из ловушки, я включил пусковой механизм и последняя минута пошла. Я бегу, задыхаясь и путаясь в собственных ногах, словно пьяная сороконожка. И не успеваю. Не успеваю. Не... Секундная стрелка скакнула на предпоследнее деление. И я кричу от отчаяния и ужаса.

И просыпаюсь от своего крика.

Еще темно. Сколько же я спал? Не важно. «Важно, что Ирина, спящая в соседней комнате, не проснулась, – вон по углам до сих пор мечется эхо моего вопля», – подумал я. И ошибся.

– Тихо, тихо. Это сон, всего лишь сон, – ее руки легли мне на виски, потом стали успокаивающе гладить покрытый испариной лоб, – Сон уже ушел, – я его, противного, прогнала. Да ты весь дрожишь... Тебе холодно? Хочешь, я согрею тебя?

Нет, это был не секс. Это было... лечение. Настоящая сексотерапия. Погрузившись в завораживающий ритм движений, я исцелялся, и, хочется верить, исцелял Ирэн. Ее тоже было от чего исцелять... А потом мы уснули, прижавшись друг к другу, как испуганные темнотой дети. И больше не видели никаких снов.

Шкварчание масла на раскаленной сковороде способно поднять с постели даже самого вымотанного мужика. А если к этому прибавить обалденный запах жарящейся яичницы, да еще, – мама дорогая – с ветчиной... Я подпрыгнул как пингвин, вылетающий из воды на льдину. Поискал глазами свою одежду, не нашел, и был вынужден облачиться в давешний махровый халат. Интересно все-таки чей?

Шлепая босыми ногами по имитации мраморного пола, я, совсем немного проплутав в пяти комнатах, выбрался в коридор и, ведомый аппетитным ароматом очутился на кухне. Ира стояла у плиты, и, что-то удовлетворенно мурлыча, ворожила над яичницей. Весьма привлекательное зрелище. И Ирина, и яичница. Но начать я решил все же с Ирины, для чего на цыпочках подошел к ней сзади и осторожно обнял за талию. Как выяснилось, осторожничал я не напрасно и едва успел увернуться от затрешины. Па-ба-ба-бам...

– Что, обстановочке не соответствую?! В темноте не так заметно было?! – выплеснулась из меня злая горечь. Кажется, я весьма некстати заимел опасную привычку говорить то, что думаю. Опасную, потому что опять еле увернулся. На это раз от пощечины. А утро так прекрасно начиналось...

Мы стояли друг напротив друга, и я видел по глазам Ирэн, что она лихорадочно прикидывает, чем бы тяжелым в меня запустить, не нанося слишком большого ущерба. Да не мне! – кухне... Пришлось скомандовать временное отступление.

– Извините... пожалуйста, Ирина Геннадьевна Лукина, она же Ирэн. Знаешь, давай, я выйду и снова войду. Как будто только что проснулся от чудного запаха жарящейся яичницы и ...

– Блин! – возопила Ирэн, бросаясь от меня к плите, – Сгорела!! Фак ю!!! Все из-за тебя...

– По-моему, ничего страшного, – поспешил заверить я разбушевавшуюся стряпуху, вглядываясь поверх ее плеча в подвергшуюся кремации яичницу, – Не сгорела, а поджарилась. Я как раз такую люблю. С дымком...

– С дымком! – возмутилась Ирина, – Вот и ешь ее в гордом одиночестве. А я, несчастная, голодная и злая буду утешать себя мыслью о вреде сытного завтрака, и мужского присутствия в доме.

И, не выдержав тона, рассмеялась.

Дальше все пошло как по маслу. Мы мирно позавтракали, обсуждая в основном прекрасную погоду, политическую ситуацию в стране и влияние яиц на уровень холестерина. Об инцидентах не упоминалось; ни о ночном, ни об утреннем. Нестандартное поведение Ирины мною было принято как должное, – видимо, на своих попытках понять женский пол, я давно поставил жирный черный крест.

– Опаздываю... – взглянув на часы обреченно констатировала Ирэн.

– Ты же сказала, что сегодня суббота? – удивился я.

– У меня важная встреча. Придется теперь гнать не меньше восьмидесяти и приготовить купюры на штрафы.

– Какая у тебя машина? – поинтересовался я, как бы между прочим.

Представить себе Ирэн за рулем было выше моих сил. Точно так же как и себя самого. Ага! Значит, машину водить я не умею, и, следовательно, в супершпионы не гожусь. Жаль... А то уж было подумал...

– У меня «Ауди», – сообщила Ирэн, полностью поглощенная нанесением боевой раскраски.

– Угу, – неопределенно буркнул я, – Хорошая машина.

– Слава, что ты будешь делать?

– Сегодня?

– Сегодня. И вообще.

– Сегодня хотел прогуляться по городу. Осмотреться. Может быть что-то вспомню?

– Тогда давай договоримся так: вот моя визитка, тут адрес и телефон. Это если ты заблудишься. Вот деньги. И не строй мне рожи, – здесь не так много... Потом, если захочешь, отдашь. Когда вспомнишь.

– Если вспомню...

– Никаких «если». Нужно возвращать в себе позитивное мышление. Все будет хорошо! Я вернусь часа через три, – и тихо добавила, – Ты тоже возвращайся.

– Куда денусь! – бодро заверил я Иру, привыкая мыслить положительно. Но, судя по сделанным вчера открытиям, деться я мог куда угодно, и за себя абсолютно не ручался.

– Твои джинсы я привела в божеский вид, – они на стуле в спальне. Рубашку возьмешь в шкаф, должна тебе подойти. И поторопись, мне уже и так нагорит...

Быстро облачившись в свои приведенные в божеский вид джинсы и чужую рубашку отвратительного сиреневого цвета, я рысцой выбежал из версальских апартаментов, подгоняемый озабоченной Ириной. Очутившись во дворе, мы сразу же попали под перекрестный огонь пристальных взглядов, которыми с точностью снайперов стреляли в нас расположившиеся на скамейке бабульки. Личная жизнь жильцов была для них чем-то сродни бразильским сериалам, и потому следили они за ней с дотошностью частных детективов. Н-да. Представляю, какие сплетни пойдут теперь про Ирину, благо ей на это, кажется, наплевать. С такими хоромами и машиной она, наверное, уже привыкла к злым шепоткам за спиной.

Коротко простившись, мы двинулись в разные стороны. Ирэн на стоянку, а я – куда ноги понесли. Как вскоре выяснилось, понесли они меня к вокзалу. Правда, затрудняюсь сказать зачем. Видимо, им виднее. Когда до вокзального комплекса оставалось всего ничего, я чуть было не попал под возмущенно зазвеневший трамвай. И виной всему как всегда была женщина. Вернее молодая девушка, которая, как ни в чем не бывало, грациозно двигалась в мою сторону в одном нижнем белье. Надо сказать, весьма эротичном. Я, конечно, понимаю: лето, жара и все такое, и вокруг половина девиц щеголяют в шортах и топиках, но... К тому же меня поразила реакция других прохожих. Точнее ее отсутствие. Никто не обращал на эту демонстрацию достижений французских *бельёшвеек* абсолютно никакого внимания. Ну, тогда и я не буду. Что мне белья французского видеть не приходилось?

После того, как мои глаза зафиксировали еще нескольких представительниц прекрасного пола, на которых кроме белья ничего не было, я уж было решил, что в городе проходит неделя высокой бельевой моды, как вдруг... Как вдруг навстречу мне попала девица не только без верхней, но и без нижней одежды. Короче – голая. На ней были только туфли на высоченной шпильке и какие-то украшения... Ах, да, и еще солнечные очки. Обалдело уставившись на ожившую иллюстрацию к «Мастеру и Маргарите», я чуть шею не вывернул провожая ее восхищенным взглядом. В разум меня привела ворчливая старушка, шествовавшая мимо с полной авоськой зелени:

– Совсем мужики стыд потеряли! На девок так пялятся, что скоро шея у них станет как у страусов Ему...

– Эму, – машинально поправил я и вдруг сообразил, что если тут что-то не так, то именно со мной. Судя по скучающим лицам окружающих, прохожие видели нормально одетых девушек. А вот я, как последний сексуальный маньяк... Оборони царица небесная, что если это правда?!

Совершенно потерянный я уселся на ближайшую скамейку между подкармливающим голубей дедком и молодой мамочкой, одной рукой энергично качающей коляску, а другой листающей какой-то дамский детектив. «Как поймать маньяка», – разобрал я название, ощущая противный холодок внутри. Что же со мной все-таки происходит? Из каких уголков моей души всплыла эта страсть к обнаженной натуре? При чем молодой и красивой натуре. Не попала же мне на глаза старушка в белье от конверсионной фирмы «Танковое чехло-строение»... Промучившись битых четверть часа в бесплодных попытках пролить свет на это темное дело, я окинул глазами окрестности и... Опять! Мне опять начинает мерещиться. При чем на этот раз я был осчастливлен зрелищем не только результата, но и самого процесса.

Ничего не подозревавшая о моей мании девушка деловито шла мимо, вполне нормально одетая, как вдруг... Что-то случилось с моими глазами, я несколько раз моргнул и вот она уже одета не вполне нормально, во всяком случае, для общественного места. Черное кружевное белье выгодно подчеркивало все достоинства ее сногшибательной фигуры. Эх, если б все красивые девчонки могли так ходить, не опасаясь пресловутого общественного мнения... С другой стороны радуется, что шоу это – для меня единственного, а остальным – фиг с маком. К чему мне лишние конкуренты? Вот так примерно я размышлял, когда опять моргнул. Картинка снова изменилась, – девушка продолжала свой путь уже без ничего. От удивления я опять захлопал глазами и увидел... как сквозь нежную девичью кожу начинают просвечивать контуры позвоночника, ребер, таза... И через мгновение уже не девушка – оживший рентгеновский снимок – скрылся в дверях косметического салона. Н-да-а. От такого стриптиз-шоу проглоченная мною яичница стала настойчиво проситься наружу, а перед глазами дружно запрыгали солнечные зайчики, очевидно, приняв меня за доброго дедушку Мазая. Это что же такое творится, граждане? Сидел себе, никого не трогал... и тронулся. Боль тисками сжала виски и на какое-то время вышвырнула меня из окружающего мира.

Очнулся я от того, что молодая мамочка энергично опрыскивает меня водой из детской бутылочки.

– Что с вами? Вам плохо?

– Нет, спасибо, уже все прошло. Последствия спортивной травмы...

– Вы занимаетесь спортом? Каким? – заинтересовалась она.

– Подводно-прикладным плаванием, – понесло меня, как Остапа Бендера, – Недавно во время тренировок на Черном море меня ударила хвостом белая акула и...

– Да, ну вас! – отмахнулась мамочка от моего чистосердечного вранья, – Может это не акула белая была, а горячка?

Я уже собрался возразить, но тут малыш проснулся и, зайдясь Шалопинским криком, намертво приковал внимание мамочки к своей возмущенной особе. И мне ничего другого не оставалось, как покинуть приветливую скамью, чтобы направиться к маячившему впереди вокзалу. В конце концов зачем-то я туда шел?

К моему облегчению, больше ничего необычного со мной не происходило, и навстречу попадались исключительно нормальные люди. В смысле – нормально одетые. О посетивших меня галлюцинациях, я упорно старался не думать, боясь откопать скелет в своем душевном шкафу. Может все-таки лучше обратиться к психиатру? Пока я дел не натворил? И тут, видимо, чтобы я их все же не натворил, меня крепко ухватили за руку.

– Ай, молодой человек! Идешь себе спокойно и не знаешь, что порча на тебе страшная! Проклятье до седьмого колена на роду твоём! Что головой качаешь? Не веришь, Анжеле? Да я тебя как рэнген насквозь вижу, – заблуждала пожилая цыганка и нахально уставилась на меня поверх темно-розовых очков.

Вот про рентген это она зря. В памяти тут же всплыла давешняя девица, обнаженная моим взглядом до состояния рентгенограммы. Что явно не улучшило моего, и без того, хренового настроения.

– У меня денег нет. Совсем! – выпалил я единственное, что могло отвратить от меня настырную гадалку.

– Нет, дорогой. Анжелу не обманешь! Есть у тебя деньги, да мне они не нужны. Я тебе и так скажу про твоё будущее всю правду...

Она набрала в грудь побольше воздуха, чтобы обрушить на меня поток своего красноречия, но я решительно прервал ее.

– Про будущее не надо. Лучше про прошлое. Угадаешь – заплачу.

Сказал и сам удивился, – ведь я твердо знал, что абсолютно не верю ни в какие гадания. Но почему-то сейчас мысль о том, чтобы узнать у цыганки свое прошлое, не показалась мне такой уж нелепой.

– Давай руку! – начальственно приказала Анжела, и близоруко склоняясь над моей ладонью, стала водить пожелтевшим от табака ногтем по одной ей видимым линиям.

Я ожидал, что мне сейчас начнут втирать какую-нибудь галиматью, но цыганка молчала. Потом выпустила мою руку и как-то по-особому заглянула в глаза.

– Смерть у тебя за спиной стоит, – совсем другим голосом произнесла Анжела, – Хочет отнять тех, кого ты любишь... И помощи тебе ждать неоткуда. А если кто и станет помогать, то как бы эта помощь боком не вышла... Все! Больше ничего не скажу! Давай, иди, куда шел.

– А, как же прошлое? – только и мог промямлить я.

– А прошлое тебе поможет узнать казенный человек, с которым ты уже встречался, – нехотя ответила гадалка, и резко развернувшись, пошла прочь.

– Эй, подожди! А деньги?!

Но она даже не обернулась. Вот это да! Чтобы цыганка не взяла денег?! Чудеса! Но что это она говорила о казенном человеке? Я тут еще ни одного, слава богу, не встречал. И вдруг меня осенило – сержантик! Тот, что ночью на вокзале дежурил; мне еще показалось, что он меня узнал. А может, действительно узнал?! Черт, он наверное уже сменился... Придется ходить на вокзал каждый день, пока в его дежурство не попаду. Такой шанс упускать нельзя. И я не упущу... Потому что вон он, сержантик, как раз из зала ожидания выходит. Мысленно поаплодировав Фортуне, я двинулся навстречу стражу порядка полный решимости, выведать у него все, что только можно.

Когда расстояние между нами сократилось до нескольких шагов, я уже праздновал победу, – он действительно узнал меня, и даже как-то робко улыбнулся. Ободренный таким поворотом, я решительно шагнул к нему.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – козырнул он в ответ.

– Простите, мы случайно не знакомы? Вы так странно смотрели на меня... – я расплылся в ободряющей улыбке, – Память моя – дама капризная, я вас что-то не припомню.

– Да вы меня и не знаете, – засмутился сержантик, – Я вас на выступлении видел, когда в оцеплении стоял. У меня память на лица фотографическая. Что вы там вытворяли, – весь стадион на ушах стоял...

На выступлении... Вот чего мне, оказывается, не хватало для полноты счастья: «Внимание, внимание! Почтеннейшая публика, сегодня на арене...» С другой стороны, почему бы и нет? Волосы, вон, до плеч отрастил – не хуже чем у рок-звезды.

– Э-э... Не могу вспомнить, не подскажете, когда это было? – продолжал я валять Ваньку.

– Да месяца два назад, на празднике Дня города. Ваш клуб своими показательными выступлениями как раз праздник и открывал.

Уже теплее. Еще пара вопросов и, думаю, кое-что прояснится...

– А какой именно клуб? Видите ли, я состою во многих клубах, и честное слово сам в них путаюсь, так что...

– Ну, «Путь меча», конечно. Мне вообще все выступление понравилось, а когда вышли вы на пару с руководителем клуба... Как у вас все здорово получалось! Полное ощущение реального боя. И ведь на вас ни кольчуг, ни шлемов не было, в отличие от остальных. Ну и что, что мечи не заточены, а попади такой железякой по голове и – ку-ку. Месяц в больнице лежать, не меньше.

Н-да-а... «Путь меча», значит... Вот почему я так ловко вчера с той троицей разобрался. Однако пора закругляться, – из сержантика больше ничего полезного не вытянуть.

– А-а-а... теперь, я вспомнил. Спасибо за комплемент. Приходите к нам в клуб, – так же мечом махать научитесь.

– Нет, спасибо. Все это, конечно, красиво, только пользы никакой: мечом против пистолета не очень-то помашешь... Я уж лучше в тир похожу.

Мы еще немного поговорили о преимуществах огнестрельного оружия над холодным и распрощались весьма довольные друг другом. Так у меня в руках оказалась путеводная нить, следуя за которой, я надеялся добраться до своего (надеюсь не очень темного) прошлого. Осторожно, двери закрываются, следующая станция – «Путь меча».

Наверное, этот клуб в городе существовал уже давно – в «Справочной» я без труда раздобыл его адрес. И вот теперь стоял перед облупившейся зеленой дверью длинного одноэтажного здания, примостившегося на самой окраине N****ска. Отваливающаяся кусками штукатурка не оставляла сомнений в том, что «Путь меча» организация явно некоммерческая. Энтузиасты, блин! И, разозлившись неизвестно на кого, я решительно рванул дверь на себя. Да так, что в руках осталась оторванная ручка, державшаяся, как выяснилось, на одном ржавом гвозде. Чертыхаясь, я протиснулся в образовавшуюся щель, и, натываясь в темноте на какие-то деревянные и железки, направился на поиски начальственного кабинета. Будем мыслить позитивно и надеется на лучшее, а именно на то, что свои выходные руководитель клуба, как истинный последователь кэндо, проводит в этом сарае.

Все-таки хорошая штука – везение! Завернув за очередной поворот, я в последнюю секунду успел увернуться от просвистевшего над моей головой меча, зажатого в руках средневекового рыцаря. Когда бешено заколотившееся сердце слегка успокоилось, мне удалось разглядеть, что это всего лишь экспонат, поставленный здесь для приведения в трепет неожиданных посетителей. Чуть приподнятая над полом доска, на которую я наступил в потемках, запускала нехитрый механизм, приводящий в движение рыцарскую руку со здоровенным двуручным мечом. Не будь я настолько проворным, мог бы получить сотрясение. Н-да-а. Какое своеобразное чувство юмора бытует в этих разваливающихся стенах!

– Кого еще черт принес?! – раздалось из-за ближайшей двери, – Да, вы проходите, не бойтесь – меч-то фанерный. Ох уж эта молодежь с подростками. Им бы все шалить...

«Попадись мне эти шалуны под горячую руку, не сносить им головы», – мелькнула кровавая мысль. Набрав в грудь побольше воздуха, чтобы высказать все, что думаю о подобных шалостях, и едва удерживаясь, что бы не наподдать дверь ногой, я успел разглядеть на ней табличку. «Макаров Александр Петрович. Военно-исторический клуб „Путь меча“. Золотое тиснение на фоне всеобщей разрухи выглядело издевательски. К тому же какой-то остряк белой краской подписал рядом с фамилией вежливое японское „сан“, а внизу размашисто добавил „банзай!“. Пробормотав, себе поднос что-то о блеске и нищете, я толкнул дверь и шагнул навстречу своему прошлому.

За т-образным столом, в красном вращающемся кресле эпохи расцвета застоя развалился длинноволосый хиппи, примерно моих лет, по-американски закинув ноги на стол, поверх разбросанных в рабочем беспорядке бумаг. Обе ноги были в гипсе. Рядом обнаружались костыли, притулившиеся к сейфу, выкрашенному в мерзкий коричневый цвет.

– А-а-а, это ты... Привет! – обрадовано протянул хиппи, демонстрируя мне голливудскую улыбку, которая наводила на мысль о съемных протезах, – Рановато вернулся. А грозился: „До сентября ноги моей здесь не будет“. С погодой, что ли, не повезло? Или из отпуска отозвали? Да, что ты как не родной топчешься, проходи не стесняйся. Чего зыркаешь, переломанных ног не видел никогда? Лучше скажи, что у тебя что с рукой?

– Бандитская пуля...

– Угу, понятно. А у меня бандитский „Мерседес“. Выскочил на встречную, козел новорусский, я по тормозам, руль до отказа, так и ушел в кювет. На тебя теперь одна надежда, не то накроется наша поездка на соревнования медным тазом.

– Считай, что уже накрылась, Саша. Ведь ты, судя по табличке, – Александр Макаров?

– Ты что, Игорь, белены объелся? Память отшибло?

– Угу.

– Что „угу“?

– Отшибло.

– Что отшибло? – не понял хиппи.

– Память отшибло. Полностью. Я от тебя только сейчас узнал, что меня зовут Игорь.

– Нет, Игорь, я понимаю, твой девиз „Ни дня без подкола“, но тут уж ты загнул. Мог бы придумать что-нибудь поинтереснее...

Я со вздохом опустил на трехногий стул и выдавил из себя горькую усмешку.

– Интереснее не бывает.

Наверное, мой тон был настолько пропитан безнадежностью, что Макаров, пристально взгляделся в меня и сказал:

– Бутылка в сейфе, закуска там же, ключи, во-он на той алебарде висят.

И ткнул пальцем в один из многочисленных макетов орудий убийства, выдуманных человеком разумным, которые полностью покрывали левую стену кабинета.

Когда я извлек из сейфа все необходимое, Макаров отработанным движением наполнил пластиковые стаканы и выдал тост:

– Ну, тогда за знакомство.

Через полчаса, когда литрович опустел больше чем на треть, глава N-ских меченосцев был уже в курсе моих злоключений, и сам успел прочесть мне краткий курс истории становления клуба. Бывшему „афганцу“, каратисту с черным поясом и просто рубахе-парню Саше Макарову некуда было приложить силушку, бурлящую в нем как вода в забытой на плите кофеварке. Он даже стал совершать долгие вечерние прогулки по самым криминальным районам в надежде, что к нему пристанут, и он, хотя бы на время избавится от переполняющей его жажды разрушения, путем дробления челюстей и сворачивания носов местной шпаны. Но однажды за этим занятием Макарова застукал человек, который впоследствии стал для Саши Сэнсеем с большой буквы. Он то и сумел направить Макаровскую энергию в мирное русло, открыв для него кэндо. С той поры прошло уже много лет, но Макаров до сих пор с благодарностью вспоминал учителя и три раза из шести мы выпили за него.

Когда поток Сашиного красноречия иссяк, я, наконец, настоятельно потребовал представить всю имеющуюся у него информацию, касающуюся моей персоны.

– Вот, – он хлопнул на стол деревянный ящик с карточками, и, порывшись немного, протянул мне одну, – читай. У меня на всех такие карточки заведены, очень удобно.

И я начал читать. Так, Ф.И.О. – Семенов Игорь Владимирович. 19** года рождения. Русский. Беспартийный. Не судим. Не был. Не состоял. Адрес: Пролетарская 10, кв. 42. Телефон: 43-25-67. Знак зодиака – Водолей. Оружие: прямой европейский меч, японский катана. Уровень: ДМЗ. Причем „ДМЗ“ помещалось в красный, старательно выведенный кружок.

– Что значит „ДМЗ“? – осведомился я, – „Драться Мечом Запрещено“?

– Нет. „Даже Меня Замочит“, – усмехнулся Макаров, – Высшая категория. Я ведь до сих пор не пойму: как это у тебя получилось? Пришел к нам года два назад. И готов поклясться, что до этого момента ты меча в руках ни разу не держал. Прозанимался с месяц, и благополучно слинял, после того как на тренировке тебе по башке настучали. А этой зимой являешься, как ясно солнышко, и рубишься так, словно с мечом в руке родился. Когда и где успел насобачиться? Феномен, блин...

– А ты меня спрашивал?

– Еще бы. Молчал, как партизан на допросе. Достал меня вконец. Из-за тебя я даже вынужден был вспомнить, что такое спарринг. А кого я против тебя поставлю? Здесь тебе

противников нет. Поначалу ты работал с обычным европейским мечом, а потом, когда к нам по приглашению сэнсей Танака-сан приехал, заболел катаной. По пятам за ним ходил, и доходился. Так что теперь тебе можно смело в Голливуд ехать, в „Горце“ сниматься, осталось только волосы подлинней отрастить.

– Угу. Вот вспомню, где мешок с деньгами зарыл, куплю загранпаспорт и поеду. А ты не знаешь...

Только я собирался задать Александру, давно мучавший меня вопрос о семейном положении, как в кабинет заглянул длинный худой парень.

– Конитива, Александр Петрович. Как самочувствие? – бодро спросил он, пригибая голову, чтобы не зацепить притолоку, – Как же мы без вас поедим? Нам без вас никак...

И осекся, уставившись на меня.

– Извините, вы заняты... Я позже зайду, – и подозрительно быстро ретировался.

– Черт! Вот ведь принесла нелегкая, – стукнул по столу кулаком Макаров, и покосился на меня.

– А в чем дело? Я этого парня знаю? Почему он посмотрел на меня, как Сталин на Троцкого?

– Еще бы ты его не знал! Это – Сергей Краснов. Он тебя на дуэль вызвал. На боевом оружии.

Па-ба-ба-бам. Этого мне только не хватало.

– А у него оно есть, боевое оружие?

– Есть.

– А у меня?

– И у тебя есть. Да, ты что не помнишь? Тьфу ты, прости. Конечно, не помнишь... Ты нас такой классной сталью снабдил, что теперь у каждого совершеннолетнего члена клуба, дома боевой меч припрятан.

– А из-за чего он меня вызвал?

– Из-за гордыни твоей и неумения общаться с подрастающим поколением. Он ведь с малолетства в нашем клубе, вот уже десять лет. А тут ты являешься, крутой как вертикаль. Сергей хотел с тобой в спарринг встать, но ты его отшил, да еще и высмеял. Его, которого Танака назвал лучшим в клубе! Он и так на Японии задвинут был, а после этого вообще расцвел махровым цветом, будто сакура весной. Потом услышал, как ты рассуждаешь о том, что только в реальном бою не на жизнь, а на смерть, можно понять кто чего стоит, что все, чем мы в клубе занимаемся ерунда на постном масле... Обиделся... и вызвал тебя.

– И что я ему ответил?

– Ничего, высмеял парня по своему обыкновению и умотал в отпуск. Серега от огорчения три ночи не спал. Теперь, когда он тебя увидел, прицепится как банный лист, гарантирую. Так, что прими совет: получше наточи свою катану.

– Ты серьезно?! Ты хоть понимаешь, что несешь? Какая дуэль?! Да я ему, сосунку, лучше ремнем мозги на место вправлю.

– Ремнем не получится, – парень действительно классный боец. К тому же безбашенный. Он ведь как к нам прибился? Отец по пьянке у него на глазах мать зарезал, за что и получил положенные пятнадцать лет. А сын вот уже десять лет мечом машет, ждет, когда папаша из тюрьмы выйдет... Ясно? И еще: видел я фотографию Серегиного отца, в которую он сюррикены метал; на ней уже живого места нет. Так вот, внешне вы чем-то похожи, думаю, это тоже не последнюю роль играет.

– Н-да. Обрадовал ты меня, нечего сказать. Как будто у меня забот мало... Еще дуэлянт этот на мою голову... Ладно. Спасибо этому дому пойдем к другому. К себе, то есть. Адрес я запомнил. Позвоню в дверь и скажу: „Здрасте, это я – глава семьи. Давайте знакомиться“. Кстати, а семья у меня есть?

– Есть, – вздохнул Макаров, – хорошая у тебя, Игорь, семья. Мне бы такую.

Когда я вышел из такси, доставившего меня по названному адресу, на душе было не просто скверно, а о-о-чень скверно. Пока искал 42 квартиру в голове крутились десятки возможных вариантов встречи с семьей. По словам Макарова выходило, что моего возвращения с нетерпением ждут любящая жена и замечательный сын-тинэйджер. Н-да, как же мне быть?! А вдруг я так и не смогу их вспомнить, и они не станут для меня по-настоящему родными? Оборони царица небесная... Ведь для меня сейчас они как бы не существуют. Поднимаясь на этаж, я нашел в себе смелость признаться, что в данный момент львиную долю моего забывчивого сердца занимает Ирэн, которую за эти сутки я успел узнать, и... черт, кажется, успел влюбиться.

Вот и дверь. Палец, подрагивая, жмет на кнопку звонка. Однако, что-то не торопятся мне здесь открывать. Попробуем еще раз. Звонок заливался очумевшим от весны кенаром, но за дверью не слышалось шагов, не лязгали открываемые замки. „Никого нет дома“, – подумал Штирлиц. А может оно и к лучшему. Приду попозже, как раз будет время причесать свои растрепанные чувства. Я уже спустился на несколько ступенек, как вдруг загремели засовы, и раздался отвратительный скрип открываемой двери. Соседской.

– Игорь? Уже вернулся? – благообразная старушка близоруко щурилась на меня из под набрякших век, – Так чего ж ты ко мне не зашел? Я бы тебе полный отчет дала.

– Да, знаете, как-то все в суете, вот и запамятовал... – протянул я, поднимаясь обратно на площадку.

– Цветы ваши в полном порядке, я их поливала регулярно. Почту из ящика брала... там, на столике в прихожей лежит. Газеты отдельно, счета отдельно. Подожди, Игорь, сейчас ключи принесу. Отдам, и головной болью меньше, – отпрапортовала старушка и скрылась в недрах своей квартиры.

Получив ключи и поблагодарив бабульку за заботу, я осторожно открыл дверь и, перешагнув порог, очутился у дома. Дома... вот только у себя ли?

Бегло осмотрев квартиру, я понял, что никто меня тут не ждет. Потому что ждать некому. Вся мебель была тщательно укрыта простынями, дабы не запылилась за время отсутствия хозяев. В воздухе стоял специфический запах нежилого помещения. Что бы это значило? Судя по рассказу Макарова, мы с женой должны были вместе уехать в отпуск, сына отправить в летний лагерь, а с собаку десантировать к теще на дачу. А из отпуска, стало быть, вернулся я один... Причем в весьма плачевном состоянии. Не похоже, что бы я эти три недели на курорте загорал.

Громкий телефонный звонок ударил по нервам как набат. Сердце почему-то зачастило, а под ложечкой образовался противный ледяной комок. Это мог быть кто угодно: старый знакомый, не знавший, что я в отъезде, настырный дистрибьютер, мечтающий осчастливить меня своим залежалым товаром, могли ошибиться номером, наконец... Но в памяти почему-то сразу всплыл взгляд затравленного зверя, который явило мне вокзальное зеркало. Уж не охотник ли затаился сейчас на том конце телефонной линии?

– Алло, – осторожно сказал я в трубку.

Ответом мне было чье-то дыхание.

– Если вам нечего сказать, повесьте трубку! – закипая, рявкнул я.

– Ну, почему же нечего, – усмехнулся приятный мужской баритон, – Но сначала я должен кое в чем удостовериться. Первое: вы Игорь Семенов?

– Да.

– Хорошо. Второе: вы вспомнили?

– Что вспомнил?

– Все.

– Нет.

– Уже хуже. В таком случае я должен вам передать следующее: чем дольше вы будете вспоминать, тем меньше шансов у вашей жены и вашего друга остаться в живых.

Черт! Так и есть – охотник. Только добыча – не я, а мои близкие. Па-ба-ба-бам... Пришлось досчитать до десяти, прежде чем задать вопрос:

– Чего вы хотите?

– Мы хотим, чтобы вы сейчас открыли дверь и взяли пакет, который лежит у порога. Идите, я подожду.

Предварительно изучив в глазок доступное обзору пространство, и удостоверившись, что все чисто, я открыл дверь и действительно увидел лежащий на полу пакет. Быстро нагнувшись, я подхватил его и, захлопнув дверь, вернулся к телефону.

– Пакет у меня.

– Откройте.

Осторожно раскрыв пакет, я уставился на сотовый телефон и десять стодолларовых банкнот, аккуратно перетянутых резинкой.

– Это еще зачем? – мое удивление было вполне искренним.

– Затем. Доллары вы должны потратить на лечение амнезии. А телефон – для связи. Как только вспомните, нажмите на кнопку повторного вызова, и мы обсудим ваши дальнейшие шаги. Еще раз повторяю: тянуть время не в ваших интересах.

– А если я так и не смогу вспомнить?

– Что ж, тогда для вашей супруги и друга все закончится весьма и весьма печально. Да, и не вздумайте обращаться в органы. Нужно ли говорить, что произойдет в этом случае?

– Не нужно.

– Вот и отлично. Жду вашего звонка.

И мой собеседник дал отбой.

Я медленно положил трубку и долго еще сидел без движения на диване, аккуратно прикрытом белой простыней, весьма смахивающей на саван. Навалилось странное оцепенение... Не хотелось не только двигаться, но и думать. А думать придется. Что же такое важное я должен вспомнить? Я ведь самый обыкновенный человек, если верить Макарову. Никогда ни в чем этаким замешан не был... Или был? Что-то он говорил о моих феноменальных успехах на фехтовальном фронте? Или все дело в этом отпуске? Может быть, мы куда-то влезли по чистой случайности?

Через какое-то время я осознал всю бесплодность такого гадания на кофейной гуще. Кстати, о кофе... Пожалуй неплохо было бы пропустить чашечку. Я прошел на кухню и, применив дедуктивный метод, всего лишь через десять минут нашел в шкафу остатки растворимого кофе. Обследовав холодильник, наткнулся на коньяк, и щедро плеснул его в чашку. Может быть, это позволит мне привести свои мысли в относительный порядок.

Самое поразительное в этой ситуации было то, что я не чувствовал ничего кроме возмущения. Как же, меня шантажирую какие-то козлы, а я сдачи дать не могу! Жена и друг оставались некими смутными образами, просто словами. И я не мог соотнести эти слова с чем-то реально существующим. То есть умом я все понимал, а вот сердце... сердце мое никак не отзывалось, продолжая выстукивать обычный свой ритм. До того момента, пока давящая тишина не взорвалась новым телефонным звонком.

– Алло.

– Игорь Семенов? – осведомилась трубка.

– Да.

– Вы вспомнили?

– Как, по-вашему, я могу вспомнить, если вы через каждые полчаса меня дергать будете?! Позвонили один раз, и хватит. Ждите ответа!

– Дело в том, что это не мы звонили, а конкурирующая фирма. Открою вам маленький секрет: мы и они заинтересованы в одном и том же предмете, а ваша вернувшаяся память должна привести к нему. Поэтому мы предлагаем вам сотрудничество...

– Боюсь, что вынужден отказаться. Ваши конкуренты привели очень веские аргументы в свою пользу.

– А кто вам сказал, что у нас нет таких аргументов?

На том конце линии послышалась какая-то возня, и вдруг детский голос произнес:

– Папа, этот ты? Привет!

– Привет, – выдавил я.

– Папа, у меня все „о'кей“, не волнуйся, – радостно продолжил мальчишка, – Здорово, что ты попросил своих друзей забрать меня из лагеря, там такая скучи-и-ща... А тут и бассейн есть и теннисный корт, и кормят как в ресторане. Ой, извини, меня тренер ждет, сейчас пойду учиться в гольф играть. Пока!

Я до хруста сжал зубы. Нельзя терять голову, – на нее вся надежда.

– Ну и как вам наши аргументы? Впечатляют? – издевательски полюбопытствовала трубка.

– Весьма. Что вы предлагаете?

– Мы не предлагаем, мы ставим вас перед фактом. Кстати, ваш Денис – отличный пацан, даже мне по душе пришелся. Обидно будет, если он пострадает из-за глупости родителя. Так что, сами понимаете: как только к вам вернется память, интересующую информацию первыми должны получить мы.

– Согласен. Как мне связаться с вами?

– Никак. Мы сами вам позвоним. Вы же под постоянным нашим наблюдением, неужели не поняли? – усмехнулся мой собеседник, – Лучше подумайте, как эффективнее потратить баксы, полученные сегодня. Память штука непредсказуемая, а психиатрия – дорогая. Поэтому, если понадобится, мы со своей стороны добавим еще. До скорой, надеюсь, встречи.

И снова раздались гудки.

Черт побери, во что я вляпался?! Всю семью взяли в заложники, а я даже предположить не могу, что им всем от меня надо? Стоп. А где доказательства? Позвонили два телефонных террориста, решивших развлечься за мой счет, а я уже и хвост поджал... Знают же, что у меня амнезия, могли любого мальчишку к телефону позвать, – все равно не узнаю... Нет, не сходится. Просто так штуку баксов на порог не подбрасывают. И мальчишеский голос... У меня внутри все перевернулось, едва он произнес слово „Папа“. На миг даже показалось, что еще чуть-чуть и блудная память покаянно постучится в двери осиротевшего мозга. А если бы я его не только услышал, но и увидел... Вот! Вот с чего мне нужно было начать! Фотографии. Нужно найти семейный альбом, и тогда, чем черт не шутит, моя амнезия могла бы благополучно скончаться.

Я мотался по квартире, лихорадочно перерывая шкафы. Где же он может быть? Наверняка в самом неподходящем месте; вот вернется жена, всыплю ей по первое число за бардак. Ничего в доме найти нельзя! Увы, через полчаса безрезультатных поисков мне пришлось сдаться. Из самых немыслимых уголков мною было извлечено множество различных документов и ничего незначащих бумажек, вплоть до технического паспорта электробритвы „Бердск“. Но ни одна фотография на глаза так и не попала. И все же, нет худа без добра – в сваленных в кучу счетах отыскалась квитанция об оплате путевки в летний спортивный лагерь „Олимпия“, в котором должен был находиться сейчас мой сын. Так у меня появилась возможность проверить, насколько угрозы таинственных собеседников соответствуют действительности.

Оказалось, полностью соответствуют. Директор лагеря, которого мой звонок совершенно случайно застал в кабинете, подтвердил: Дениса Семенова, согласно нацарапанной мною записке (нотариально заверенной), несколько дней назад выдали на руки моим друзьям. Вместе с вещами. И если у меня имеются какие-нибудь претензии... Я заверил, что претензий не имеется, и, бросив трубку на рычаг, облегчил душу трехэтажным нецензурным набором, имеющимся в запасе у каждого мужика как раз для таких случаев. Возведя очи горе, дабы высказать господу богу свои претензии по поводу воцарившегося в стране беспредела, я обалдело уставился на большую фотографию в деревянной рамке, висевшей аккуратно над телефонным аппаратом. Оказывается, то, что я долго и безрезультатно искал, с самого начала находилось у меня под носом. Ну, что ж, как и было сказано: „Здравствуй семья, давай знакомиться“. Хотя бы заочно.

Сняв фотографию со стены, я расположился поближе к естественному источнику света, то есть к окну. Солнечные лучи упали на цветной глянec, осветив первым делом мою жизнерадостную ухмылку, – как и следовало ожидать, глава семьи находился в центре идиллической композиции, под названием „Счастливое семейство на отдыхе“. Восседаая на миленькой зеленой травке, правой рукой я обнимал за плечи жену Ольгу (фигуристую симпатичную блондинку), а левой прижимал к себе растрепанного мальчишку лет десяти, весьма смахивающего на меня. Завершал композицию здоровенный детина (кажется, это мой друг Виктор) вольготно развалившийся у наших ног и состроивший такую жуткую рожу, что совершенно невозможно было определить, как же он выглядит на самом деле. Затаив дыхание, я пристально вглядывался в эти незнакомые мне лица, надеясь сам не знаю на что.

Нет, память ко мне не вернулась. Я по-прежнему не помнил, сколько троек было у моего сына в четверти, где работает моя жена, и сколько может принять на грудь мой закадычный друг без особого вреда для окружающих, но... Вернулись чувства. Не берусь описать, что же все-таки произошло, только счастливые лица, глядящие на меня из-за стекла, перестали быть плоскими отпечатками на фотобумаге. Я прикрыл глаза, ставшие вдруг предательски влажными. Н-да-а. Не ожидал от себя таких концентрированных эмоций. Это неожиданное пробуждение чувств, к сожалению, не давало никакой полезной информации. Как не знал я, что от меня нужно похитителям, так и не знаю, и все-таки... И все-таки мне стало ясно, что я скорее дам себя нарезать на тонюсенькие ломтики для *суши*, чем позволю причинить моим близким какой-нибудь вред.

Душно. Почему вдруг стало так душно? Я бросился к окну и нещадно рванул возмущенно закрипевшие рамы. Поток воздуха вместе со звуками ближайшего проспекта ворвался в квартиру, разгоняя туман, застилающий мои глаза. Только сейчас я осознал то, что должен был понять, едва услышал в трубке счастливый мальчишеский голос. Ведь если я передам информацию одной из сторон, то другая... За что ты со мной так, Господи? Или забыл, как сам кричал на кресте „Отец, за что ты меня оставил?!“ Хочешь посмотреть, как я буду выбирать: кому из моих близких жить, а кому явиться в твои райские кущи? Сын, жена, друг... Жена, друг, сын... Друг, сын, жена... Раз-два-три, раз-два-три. Голова закружилась в ритме вальса. Нет, невозможно... Я не могу... Должен быть другой выход, не может не быть. Но не бежать же в ФСБ, право слово? Мои противники слишком хорошо осведомлены обо всех шагах Игоря Семенова и, обратившись за помощью к силовым структурам, я только подпишу смертный приговор нам всем. Стоп. Хватит в ступе воду толочь. Когда я все вспомню, тогда смогу выдвинуть свой „встречный план“. Пора прекратить ломать голову, – она еще пригодится мне в неповрежденном виде.

Однако, мысли, подстегиваемые нахлынувшими эмоциями, отказывались подчиняться своему законному хозяину, и носились по кругу, как ошалевшие цирковые пони. Все мои попытки успокоиться провалились с треском разламывающегося „Титаника“. Нет, так не

пойдет. Я должен с кем-нибудь поделиться, выпустить пар, иначе со своей неустойчивой психикой (одно дефиле обнаженных моим взглядом девиц чего стоит!) запросто могу окануться в смиренной рубашке.

Мне с самого начала было ясно, к какому выводу я приду. Хотелось бы верить, что он был продиктован рационализмом и логикой, а не спонтанным всплеском тестостерона. Короче, аккуратно закрыв окно, я покинул свою малогабаритку и направился в единственное знакомое мне место – в квартиру Ирэн. Нужно же ей деньги вернуть? Теперь я богат – имею в наличии целую „штуку“ в валюте народа США! Надеюсь, дня на два хватит.

Она ждала меня. Я видел это в ее глазах, слышал в учащенном дыхании, осязал в дрожи пальцев, принимающих у меня деньги, и, наконец, обонял в сногшибательных ароматах доносившихся из кухни. Застолье наше продолжалось долго, чему способствовал пятизвездочный коньяк, запасы которого в доме Ирины были, казалось, неиссякаемы. Я рассказывал, она сочувственно ахала и охала, за окном темнело и, кажется, пора было уходить, но... Но я остался.

Тик-так, тик-так ... Я опять блуждаю по коридорам, а надо мною опять издеваются часы, превращая в вечность последнюю минуту перед полночью. Все повторяется. Только я уже не кричу, а, упрямо сжав зубы, бегу преодолевая последние оставшиеся до выхода метры, уверенный в тщетности своих усилий... и просыпаюсь за секунду до времени „Х“.

Быстрый взгляд на настенные часы, с розовой подсветкой, информирует меня о том, что после полночи прошел уже целый час. И пятнадцать минут. Тихо. Рядом чуть слышно дышит Ирина. Я иду на кухню и избавляюсь от остатков кошмара, с помощью крепкого кофе. Теперь мне понятен смысл моего сна. Я должен успеть вспомнить, должен суметь вырваться из капкана, поставленного судьбой, даже если мне придется для этого перегрызть себе все четыре лапы. Иначе... Права оказалась цыганка Анжела, кругом права. Надо будет сходить завтра на вокзал, отблагодарить. Надеюсь, зеленой сотни будет достаточно.

Я хотел вернуться в спальню, но не смог. Черт его знает, почему только сейчас, но меня снайперской пулей настигло чувство, которое испытывали хоть раз все женатые мужчины мира. Чувство вины. Оно было настолько сильным, что схватило меня за шкуру, и, не обращая внимания на оказываемое сопротивление, повлекло к входной двери, которая по совместительству являлась так же и выходной. Моего сопротивления хватило лишь на то, чтобы по пути завернуть в спальню и схватить одежду. Шнурки на кроссовках я завязывал уже на лестничной клетке.

Ночной город не производил впечатления уснувшего. Всюду где только можно было найти пару лавочек, отрывались веселые компании любого возраста, материального достатка и общественного положения. Чему активно способствовали отличная погода и грядущий выходной. Я довольно быстро и благополучно добрался до своего дома. На детской площадке, прямо под моими окнами терзали гитару сбившиеся в стайку тинэйджеры. „Драть вас некому“, – пробормотал я, представив, что придется засыпать под их вопли, но связываться не стал. Сейчас нельзя размениваться по мелочам, нужно приберечь силы для другого. Вот, например, для этого верзила, молча вставшего у меня на пути. В свете сильного прожектора, нацеленного на примостившуюся рядом с детской площадкой автомобильную стойку, я без труда узнал того, кто возмнив себя новым самураем, вызвал меня на поединок.

– Долго же ты меня ждал, Сергей, – я демонстративно посмотрел на часы, – может, сказать что хотел?

– Что такое лишний час по сравнению с тремя неделями? – его решительный тон не предвещал ничего хорошего, – Я умею ждать. Отца, например, уже десять лет жду. И дождусь. Тебя то дождался...

– Ну, раз уж дождался, просвети неграмотного, чем могу быть полезен? Короче, чего надо?

– А ты не помнишь! – парень сплюнул, старясь попасть мне на ногу, но расстояние было слишком велико, и плевок угодил на ни в чем неповинный асфальт.

Я не стал посвящать его в мои запутанные отношения с памятью и молча попытался пройти в подъезд, обогнув Сергея по длинной дуге. Некогда мне сопляков уму разуму учить, других проблем хватает.

– Нет, сегодня ты так просто от меня не отделаешься, – усмехнулся доморощенный дуэлянт, снова возникая между мной и подъездом, – Я вызвал тебя, и ты будешь драться со мной, хочешь того или нет. Иначе...

– Что, „иначе“? Дашь объявление в газету о моей ужасной трусости? Заклеймишь позором с голубого экрана? Ну и флаг тебе в руки, – делай что хочешь, только дай пройти. Я устал и хочу выспаться.

– Ты будешь драться со мной, иначе я просто приколю тебя, как человека, дискредитирующего наш клуб и недостойного даже прикасаться к мечу, – и он отработанным движением выхватил из-за спины зеркально отполированный, чуть изогнутый клинок, в котором я без труда узнал японскую катану.

Па-ба-ба-бам. Точно Макаров сказал, – у парня явно крыша в пути. Не успею оглянуться, как развалит он меня на две примерно равные половинки. И уныло потянется на тот свет все семейство Семеновых со мною родимым во главе. Хренушки! Попробуем отвертеться.

– Да мне, если честно, и самому хотелось с тобой клинками позвенеть, – лениво протянул я, – Только вот беда, меч с собою не прихватил. Я, понимаешь, в отличие от тебя по улице с катаной не разгуливаю, и Дункана Мак Лауда из себя не корчу. Так что, ты пока подожди, а я быстренько домой за мечом сбегаю...

– Ты никуда не пойдешь, – острое меча поднялось на уровень моей груди, – один раз ты от меня уже сбежал, второго не будет.

– И чем же мне с тобой драться прикажешь? Веточку с дерева отломить? Так я недавно с „Гринпис“ вступил, мне природу уродовать запрещено, – „Красная книга“ не позволяет...

– Я предвидел твою отмазку. Держи!

Моя рука рефлекторно вскинулась навстречу сверкнувшей молнии, чтобы через мгновение пальцы уверенно сжали шершавую рукоять меча. Интересно, как же я фехтовать буду? Не помню ведь ничегошеньки... А, ладно, будем мыслить позитивно и надеяться на лучшее. В частности на то, что меч он мне подсунул настоящий, а не муляж из ближайшего сувенирного магазина.

Быстро повернув клинок, я пристально, насколько позволяло наличие отсутствия нормального освещения, взгляделся в кромку заточки. Кажется, все в порядке. Но, черт побери, это ведь настоящий идиотизм! Жизнь самых близких мне людей на волоске моей потерянной памяти висит, а этот сосунок вынуждает меня показательные выступления устраивать!

Пока я накачивал себя таким образом, моя рука абсолютно по собственной инициативе выписывала мечом какие-то сложные фигуры. Ага, стало быть, не соврал главный меченосный путеец, оказывается, я действительно кое-что умею. И все-таки ситуация выглядела настолько театральной, что аж скулы сводило. Может быть, попытаться еще раз...

– Послушай, Сергей, я сейчас не в лучшей форме, – мой примирительный тон самому был противен, – Видишь?

И я выразительно помахал перевязанной левой рукой. Но, судя по всему, его это несколько не смутило.

– А кто хвастался, что надерет мне задницу одной левой? – усмехнулся Сергей, – Вот давай, теперь, надирай, как обещал. Хотя бы правой ...

Н-да-а. Поосторожнее мне надо быть с крылатыми фразами, не то из-за них и ангельские крылья вырасти могут. Теперь уж точно не отвертеться...

Не успел я додумать эту мудрую мысль, как пришлось действительно волчком завертеться, уклоняясь от молниеносной атаки лучшего, по словам какого-то Танаки, мечемашца нашего клуба. И тогда произошло то, что было абсолютно не мыслимо для любого истинного последователя кэндо – во мне вскипела ненависть. Злость, отчаяние, страх, накопившиеся в душе с момента обретения себя на железнодорожных путях, настойчиво потребовали выхода. Моя ответная атака была смертельной. Увы, понимание этого пришло ко мне с большим опозданием. А ведь я совершенно не собирался убивать своего нахального противника. Задницу надрать, каюсь – собирался. Но убивать? Этого мальчишку, выстроившего свой собственный мир на зыбкой почве *совкодема*?!

Размытый движением клинок уже летел к нему, рассекая воздух с каким-то особо хищным свистом, когда, поставив себя в весьма невыгодное положение, я чудом сумел промахнуться. И как всегда поплатился за доброе дело. Парень-то был не промах, причем в прямом смысле. Он так и не понял, что стоял на самом краю, зато грамотно воспользовался подаренным преимуществом. Блеснувшее лезвие обожгло щеку, и я проклял случившийся со мной приступ человеколюбия в недопустимых для утонченного самурая сугубо российских выражениях.

– Да сколько можно эти маты слушать!? – раздался сверху трубный глас. На мгновение оторвавшись от мелькания клинков, я кинул быстрый взгляд на ближайший балкон. Мону-ментальная женская фигура в белой ночной рубашке потрясала воздетыми вверх кулаками.

– Совести у вас нет, хулиганье! Два часа ночи, а им хоть бы хны, – звенят себе, и звенят! – ее пронзительный голос эхом отражался от окрестных домов, – Ой! Да что же это?! Коля, иди сюда!! Посмотри, что они вытворяют, ироды!!!

Не знаю, многих ли в доме лишил сна звон наших клинков, но от ее крика чуть ли не в половине окон смутно забелели заспанные лица особо любопытных. Стенающие рептинэйджеры тоже заинтересовались и дружно повернулись в нашу сторону, благо, к тому времени мы уже переместились на площадку.

Я больше не решался атаковать, и ушел в глухую защиту, ругая на чем свет стоит свою ни на что не годную левую руку. Дело в том, что практически вся техника владения катаной (вообще-то „катана“ не склоняется, но я по российской привычке говорю так, как удобнее) строится на „двурукости“. И посему мне пришлось работать в европейском стиле, который, как ни крути, значительно уступает японскому. Если бы я сражался с реальным самураем XVIII века, от меня давно остались бы рожки да ножки. Но к счастью, Сергею было еще очень далеко до такого уровня. В довершение всего располосованное запястье немилосердно саднило, и я ощутил, как теплая струйка змеей извивается вдоль руки. Только этого не хватало! Пора заканчивать этот спектакль, иначе в один прекрасный момент нарастающая усталость и боль заставят меня совершить ошибку, которая может стать последней. Вон как Серега решительно настроен, так и скачет вокруг. Весьма захватывающее зрелище.

Очевидно, еще кто-то решил точно также, и я с изумлением увидел, что наши колоритные фигуры с не менее колоритными мечами попали в круг яркого света, которого здесь быть не должно. Оказывается, какие-то шутники взяли на себя обязанности театральных осветителей и, развернув нацеленный на стоянку прожектор, направили на нас его путеводный луч.

– Сашка, давай камеру скорей тащи! – пошлем в передачу „Вы – очевидец“! – надрывался кто-то с балкона третьего этажа.

– Так здесь, наверное, уже есть камеры! Это ведь фильм про русского Горца из Дагестана снимают. А главного героя зовут „Дунька Марк Клава“, – изощрылся местный остряк-самоучка.

– Круто! Жаль только, что мечи ненастоящие...

– Да, кажись, настоящие.

– Ха, разбежался, станут они тебе настоящими махать. Так и головы лишиться можно.

– Зуб даю – настоящие! Вон у того дядьки по щеке кровь из пореза течет.

– Народ, гляньте! Это ведь Игорь из сорок второй!

– Да вызовите кто-нибудь милицию! Они же поубивают друг дружку.

– Зачем милицию? Они по-честному дерутся. Когда поубивают, тогда и вызовем. А пока цирк бесплатный посмотрим...

Вот под такие комментарии мы продолжали махать своими железяками на радость ближним. Все. Пора ставить точку. Еще немного и моя рука не сможет удержать меч. Это только в кино раненный боец, истекая кровью, еще полчаса экранного времени мочит врагов направо и налево.

– Ну, что Сергей, – начал выпендриваться я, стараясь не сбить дыхание, – как видишь даже с одной рукой ты мне не ровня. Скачешь-машешь, да все без толку. А ведь схватки настоящих самураев были очень коротки, буквально несколько взмахов и один из них оставался без головы. Совсем как ты сейчас.

Одновременно с завершением фразы я быстро сместился в сторону и, обманув Сергея ложным выпадом, приставил чуть подрагивающий клинок к его горлу. Благодарная публика замерла.

– Что скажешь теперь? Ты до сих пор считаешь меня недостойным хвастуном? Подумай хорошенько, прежде чем отвечать, – и я, соорудив кровожадную рожу (ну не мог отказать себе в маленьком удовольствии), демонстративно провел мечом вдоль его шеи. Естественно, не касаясь.

Но парень был не робкого десятка и, не обращая внимания на холодящий кожу металл, повернулся в мою сторону.

– Мне не нужно долго думать, чтобы ответить, – в его голосе я уловил удивившие меня торжественные нотки, – Я прошу тебя стать моим сэнсеем.

Вот так. Сначала чуть не убил, а теперь в сэнсеи записать хочет! Только этого мне не хватало. Как будто других забот мало. Но если я хочу поскорее от него отделаться...

– Хорошо. Я согласен. Только обучение твое начнется в сентябре. Сейчас я должен завершить кое-какие важные дела. Не в моих правилах приступать к новому не закрыв старое. Ты согласен? Если нет, не держу.

И я, опустив меч, придал телу выжидательную позу.

– Согласен, – Сергей улыбнулся так радостно, как будто только что вопреки всему сорвал приличный куш у уличных наперсточников.

Нет, мы не пошли ко мне обмывать благополучно завершившуюся дуэль. Я быстро, спровадил моего неожиданно обретенного ученичка и на полусогнутых дотащился до своей квартиры. Смыл кровь с руки, залепил пластырем порез и доковылял до гостиной (в спальню меня не затащили бы даже на аркане). Как повалился на диван, в памяти уже не зафиксировалось. Но, увы. Не долго мне пришлось наслаждаться в объятьях Морфея. Очередной телефонный звонок заставил меня буквально подпрыгнуть. Изношенные пружины жалобно оповестили о том, что к таким перегрузкам не подготовлены, и, пропоров обивку, коварно впились мне аккурат пониже спины. Исполинским усилием воли проглотив приготовленное ругательство, я ощупью отыскал телефонную трубку. Если сейчас очередные шантажисты скажут, что взяли в заложники мою ненаглядную тещу... Объявляю им благодарность с занесением.

– Алло, – в моем голосе слышалась настоятельная потребность придушить звонившего.

– Привет, рыцарь джедай! Да прибудет с тобой Сила, – игривый тенор, свидетельствовавший о том, что его обладатель давно и прочно навеселе.

– Вы ошиблись! – взревел я, и, уже почти повесив трубку, услышал растерянное:

– Игорь, это ты?

– Да. Кто говорит?

– Несчастный! Как ты мог не узнать своего гуру?! – заблуждалась трубка, – За это непозволительное нарушение субординации тебе полагается ужасное наказание. Короче, с тебя ящик водки. Нет, даже два! За моральный ущерб. Какого черта ты не предупредил нас, что слиняешь. Мы тут, как дураки с вымытой шеей, ждем, когда вы с острова вернетесь, а вы, никого не предупредив, взяли и домой рванули! Оч-ч-чень интересно!

– Угу. Мне тоже. Особенно интересно кто ты такой, откуда звонишь, и с какого острова мы должны были вернуться? – взял я быка за рога.

– Игорь, – осторожно и как-то участливо осведомился мой позабытый гуру, – У тебя все дома?

– Нет! У меня не все дома! В прямом и переносном смысле! – взбесился я, – Сутки назад я обнаружил себя в этом чертовом городишке. Без денег, документов и памяти! Сегодня днем мне совершенно случайно удалось узнать свое имя и адрес. Я...

– Погоди, – перебил меня стремительно протрезвевший собеседник, – Погоди... Ольга с тобой?

– Нет. Ни Ольги, ни Виктора, ни моего сына здесь нет.

– А ты знаешь, где они?

– В какой-то степени.

– Не можешь об этом по телефону?

– Да.

– Хорошо, не говори. Эй, вы там, отключайтесь от линии. Он ничего мне не скажет.

Или мне показалось, или я действительно услышал в трубке очень тихий щелчок...

– Значит так, Игорь. Думаю, мне удастся тебе помочь, но для этого ты должен сделать все, что я скажу.

– Что именно? – осторожно спросил я.

– Что скажу! – потеряли терпение в трубке, – Ты не доверяешь мне?!

– А как я могу тебе доверять, если совершенно тебя не знаю! Может, представишься для начала?

Повисла томительная пауза. Потом послышалось бульканье, резкий выдох, довольное кряканье и хруст откусываемого огурца.

– Ладно. Слушай внимательно. Я – великий и ужасный экстрасенс Андрюша! А также твой обожаемый гуру, ведущий своего нерадивого ученика – тебя то есть, по извилистому пути постижения эзотерических наук. Вот. А посему внимай с благоговением и выполняй беспрекословно. Сейчас ты положишь трубку, ляжешь на пол, и будешь дышать так глубоко и часто, как только сможешь. В течение получаса. Через полчаса я перезвоню, ты снимешь трубку, не вставая, и получишь дальнейшие инструкции. Понял?

– Куда уж нам сирым... Ладно, уговорил, – вздохнул я, – Ох, не доведет меня до добра такая доверчивость.

– Брось, Игорь, – экстрасенс стал сама серьезность, – Я думаю, что действительно сумею вернуть тебе память, но ты должен мне помочь. Прошу тебя, сделай все так, как я сказал. Договорились?

– Да.

– Ну, тогда до встречи...

Каким бы идиотским это не выглядело со стороны, я все-таки решил выполнить все ЦУ великого и ужасного экстрасенса Андрюши. Чем черт не шутит, в моем положении за соломинку схватиться, не то, что за гуру. Перетащив подушку на пол и пристроив телефон в изголовье, я засек время и начал дышать. Это оказалось не так уж просто. Минут через десять

мой нос, возмущенный зверским обращением, решил объявить забастовку, и дальше пришлось дышать ртом. Через двадцать минут голова стала кружиться, тело онемело и, кажется, перестало существовать, а перед глазами хаотично замелькали какие-то картинки, похожие на современные анимашки. Н-да-а. В жизни не чувствовал ничего подобного.

Когда истекли положенные полчаса, я уже с трудом воспринимал реальность, и только сила воли заставляла легкие прокачивать ставший вдруг очень вязким воздух. Когда же он позвонит? Еще немного и я просто вырублюсь, уплыву по волнам проносящихся в голове видений. И зачем это наркоманы на „дурь“ тратятся? Подышал полчаса и в голове уже сплошные глюки – дешево и сердито.

Из-за нарастающего в ушах шума, телефонный звонок я расслышал с большим трудом. Ватная рука потянулась к трубке и, едва не заблудившись, сдернула ее с рычага.

– Алло, – голос, который с трудом можно было назвать моим доносился из невообразимого далека.

– Игорь, зайчик, привет! – почему-то по-женски защелкал экстрасенс Андрюша, – Это я, – Валентина!

Ну вот, еще Валентина какая-то...

– А где великий и ужасный?

– Кто-кто? – не поняла женщина.

– Ну, этот... Андрюша.

– Так он тут рядом лежит. В трансе. А я тебе буду инструкции передавать. Слушай внимательно. Представь что над тобой раскинулось бесконечное голубое небо. А внизу черная-черная бездна. Представил?

– Нет, – честно признался я, – не получается.

– А что тебе мешает?

– Вопиющий идиотизм того, что я должен делать. Ну, не верю я во все эти штучки...

– Ничего страшного. Ты просто забыл. Андрей сказал, что вы с ним такое очень часто проделывали, и у тебя отлично получалось. Давай еще раз. Сконцентрируйся.

Я сконцентрировался и начал старательно представлять все, что описывала Валентина.

– Над тобой раскинулось бесконечное голубое небо. А внизу такая же бесконечная черная бездна.

Ее голос становился все тише, я уже почти не слышал его, плавая на границе голубого и черного...

– Из небесной вышины на тебя опускается белый как молоко туман. Такой, что ничего не видно даже на расстоянии вытянутой руки. Ты хочешь это проверить, вытягиваешь руку и...

И тут меня схватили за руку и чувствительно дернули. Возмущенно оглянувшись в поисках злоумышленника, коварно проникшего в мою квартиру, и помешавшего целительскому сеансу, я с удивлением обнаружил, что стою в белом как молоко тумане, в котором ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Рядом, дружески поддерживая меня за плечи, улыбается невысокий худощавый мужичок средних лет.

– Слава богу! – он улыбнулся еще шире и снял руку с моего плеча, чтобы утереть трудовой пот, – Получилось! А ведь я проделываю такое впервые... Ай, да я!

– Кто это „Я“?

– Андрей, кто же еще? – мужик радостно хлопнул меня по плечу, – Твой обожаемый гуру и великий экстрасенс! Да за то, что я тебя сюда вытащил, мне, как минимум, звание магистра полагается!

– Куда „сюда“? – прервал я поток его хвастовства, – Что это за место, и причем тут моя память, которую ты собирался вернуть?

– А это, мой нерадивый ученик, называется „астральный план“. Вернее его прихожая. Хотя в литературе встречаются разночтения, ну да ладно. Вообще-то нам не сюда – дальше. В данный момент нас интересует „ментальный план“, а конкретнее – информационное поле Земли. Где, как известно, записано все, что было, есть, а так же будет. Вот там я и надеюсь освежить твою память. Дошло?

– Смутно.

– Да, не бойсь! Все сделаем в лучшем виде. Ты только меня слушайся. У тебя ведь это первый выход...

– Как это первый? – возмутился я, – А Валентина сказала, что у меня эти „выхода“ отлично получались.

– Правильно. Как я ее попросил, так она и сказала. С таким скепсисом мне ни за что бы не удалось тебя сюда дернуть. Любые попытки были бы заблокированы твоим неверием. А так, ты решил, что для тебя это пара пустяков, и...

– И чтоб я еще раз поверил на слово женщине! – горько подытожило мое мужское самолюбие, – Ладно, твоя взяла. Веди, Сусанин.

– Погоди, успеется. Ты еще должен мне выложить все, о чем не мог говорить по телефону. Дальше-то недосуг будет. Тут, дорогой мой ученик, всякое случиться может... Особенно с новичками.

Я не стал уточнять, что именно тут случается с новичками, и вкратце рассказал о своих переговорах с двумя конкурирующими фирмами. На что мой гуру тяжело вздохнул и пообещал:

– Ничего. Не переживай. Вот вернем тебе память, и я займусь ими вплотную. Еще посмотрим кто кого...

– А что ты сможешь сделать?

– Да хотя бы узнать, где держат твоего сына или Ольгу с Виктором. Посмотрю третьим глазом и все, как на духу, тебе выложу: где охрана стоит, сколько человек, когда сменяются... Еще какие-нибудь нюансы. А дальше, извини, ты сам... Ладно, хватит нам болтать – будем к делу приступать, – предвкушающе потер руки Андрей, – А не то лавочку на обед закроют.

И, на секунду закрыв глаза, он крепко ухватил меня за рукав и потащил в расстилающееся впереди белое ничто. Не прошли мы и десяти шагов, как буквально носом уткнулись в одиноко висящую в тумане бронированную дверь с панорамным глазком и ручкой в виде слегка полысевшей львиной головы. Только дверь, – без полагающихся к ней стен, потолка и пола.

– Вот и пришли. Сейчас мы с тобой переместимся куда следует, – пробормотал Андрей, извлекая из кармана внушительную связку ключей и отмычек, – Да, еще раз предупреждаю: от меня ни на шаг. За самостоятельность здесь карают по законам военного времени.

Быстрым движением вставив вычурный позолоченный ключ в скважину, мой экстрасенсорный проводник со скрипом повернул его несколько раз и дернул за массивное бронзовое кольцо, свисающее из львиной пасти. Не могу сказать точно, что именно я ожидал увидеть, благодаря своему разбушевавшемуся воображению, но меня постигло разочарование. За дверью нас поджидала все та же непроглядная белизна, лишь слегка подсвеченная всполохами синего, и вращающаяся наподобие огромной воронки. Н-да. Не очень то мне хочется сигать в этот тумановорот. Но великий и ужасный Андрюша был другого мнения и, ободряюще хмыкнув, без лишних слов втолкнул меня в самое сердце плавного вращения.

Не скажу, что я испугался, но, честно говоря, мне стало не по себе. Особенно когда понял, что не могу дышать в этом скоростном лифте. Но оказалось, что дышать тут вовсе не обязательно и я постепенно успокоился. Все наше путешествие заняло по моим прикидкам не больше минуты, и вот уже мы стоим в огромном зале с бесконечными полками, на которых стройными рядами располагались обыкновенные книги в одинаковых черно-белых

переплетах. От чего в глазах у меня моментально зарябило. Слева я обнаружил нечто весьма напоминающее картотеку, к которой тут же устремился экстрасенс Андрюша. Короче, если бы не грандиозные размеры, я без колебаний приклеил бы к этому месту ярлык обыкновенной городской библиотеки.

– Удивлен? – ехидно осведомился Андрей, водя пальцем по нумерации ящиков, – Согласись, что совсем не так ты представлял себе информационное поле Земли.

– Да уж, не думал, что все будет так прозаично. По правде говоря, ожидал чего-то более inferнального.

– Это твое высшее атеистическое образование переводит получаемую информацию в доступные для тебя образы. Я, например, воспринимаю это место несколько иначе. А какой-нибудь доисторический шаман увидел бы тут, наверное, огромную пещеру со стенами, сплошь покрытыми наскальными рисунками. Э-э-э! А ну не трогай книги! Еще не хватало, что бы служба безопасности по нашу душу явилась...

Я быстро отдернул руки от заинтересовавшего меня тома, и закрутил головой в поисках бдительной службы безопасности. Но вместо вооруженных автоматами парней в форме мой взгляд выхватил метрах десяти от нас стройную женскую фигуру, которой, могу поклясться, минуту назад там не было. Молодая женщина в чем-то черном и длинном медленно приближалась ко мне весьма волнующей походкой, а я, как дурак, стоял и не мог произнести не звука, хотя понимал, что о таких встречах необходимо тут же докладывать „великому и ужасному“. Когда между нами оставалось не больше пяти шагов, Андрей, видимо что-то почувствовал и, резко развернувшись, обалдело уставился на гостью.

– Эй, подруга, – в голосе Андрей появились тревожные нотки, – ты часом „планом“ не ошиблась? Сюда люди за знаниями ходят, а не за контактами шестого рода.

Женщина бросила быстрый взгляд на Андрея, но не остановилась, а лишь замедлила свое продвижение к моей остолбеневшей особе.

– А ну-ка, красotka, повернись спиной, – прикрикнул на нее экстрасенс, и в несколько прыжков оказался возле меня, – Повернись, кому говорю!

Но она даже виду не подавала, что слышит его. У меня сложилось такое ощущение, что во всем окружающем пространстве для нее существовал только я. Тогда Андрей сделал попытку зайти женщине в тыл, но она, развернувшись боком, мелкими шажочками подбежала ко мне почти в плотную и, приветливо улыбнувшись, протянула руку. Не то для поцелуя, не то для рукопожатия.

Дальнейшие события развивались так стремительно, что слились для меня в единое целое. Я машинально потянулся к ее руке...

– Нет!!! – возопил Андрюша, и попытался вклинить между нами.

Это ему удалось, но уже после того, как я ощутил в своих пальцах прохладную руку незнакомки и ... И взорвался. Точнее взорвалась та моя часть, которую я считал ответственной за половую жизнедеятельность. Оргазм, превышающий по силе обычную сексуальную разрядку, в десятки, или даже сотни раз, прошел разрядами каждую клетку моего тела. Или того, что здесь его заменяло. Ноги безвольно подкосились, и я благополучно распростерся бы на полу, если бы мой спутник не успел меня подхватить. Прислонив мой обессиленный организм к ближайшей книжной полке, Андрей занял позицию между мной и странной женщиной.

– Немедленно убирайся туда, откуда пришла, – он не повысил голоса, но было ясно, как день, что новоявленной нимфоманке лучше его послушаться.

Моему обзору была доступна только Андрюшина спина, но по изменившемуся лицу женщины, в тонких чертах которого читался неподдельный страх, я понял, что наиболее подходящим для него стал бы сейчас эпитет „ужасный“. Без всяких шуток. Фигуру экстрасенса окутало бледное фиолетовое свечение, а когда он протянул вперед руку, по-особому

скрестив пальцы, стоящая напротив дамочка издала полувизг-полувоплъ и исчезла. Так же неожиданно, как и появилась.

– Уф, – Андрей шумно перевел дух и, повернувшись ко мне, продолжил, – Чуть было не было! Я-то ее сначала за обычную сексуально озабоченную ведьмочку принял, которая по неопытности „планы“ перепутала. Потом гляжу, а у нее „хвоста“ нет. Ну, думаю, Игорь попал!

– Какого еще хвоста? – чуть слышно прохрипел я; отвратительная слабость, поразившая меня, превращала любое движение в пытку.

– Вот! – Андрей протянул руку себе за спину и вытащил оттуда нечто напоминающее белесоватый и полупрозрачный канат, – Это – энергетический шнур. Он соединяет физическое тело человека с его энергетическим двойником. За каждым живым, попадающим в тонкий мир, обязательно тянется такой шнур. Крепится он в районе поясницы и потому я зову его просто „хвостом“.

– А у той, стало быть, такого шнура не было?

– Именно! Никогда бы не подумал, что вампиры могут забредать сюда. Да еще и специализирующиеся на сексуальной энергии! Будь это живая женщина, ничего страшного не произошло бы. А это, скорее всего, астральное тело уже умершей ведьмы, которой для поддержания сил необходима мужская секс-энергия. Если бы не я, она проделала бы это с тобой не один раз, пока не выжала досуха.

– Не возражал бы, – выдохнул я; сладкая дрожь пробежала по нервам от одного только воспоминания о ее прикосновении.

– Не возражал бы он! – возмутился Андрей, и подозрительно на меня покосился, – У тебя с этим делом проблемы?

– Может быть.

– Что значит „может быть“?

Пришлось посвятить обожаемого гуру в мои галлюцинации со стриптизом. Его реакция поразила меня настолько, что даже слабость куда-то исчезла.

– Наконец-то! Как долго я ждал этой минуты! Поздравляю тебя, мой дорогой ученик!

– С чем? С присвоением высокого звания сексуального маньяка?

– С открытием „третьего глаза“, ненаглядный ты мой джедай! Дай я тебя расцелую, – прослезился Андрей и полез обниматься, – Теперь ты – точно наш человек. Ясновидящий! Сколько сил было мною потрачено...

– Так это не был приступ паранойи?

– Нет. Но об этом давай потом и со всем подробностями. Застоялись мы, – пора когти рвать. Не то еще кто-нибудь сюда забредет... Вот смотри, – и Андрей подвел меня к карте, – твоя карточка.

Он показал мне на белый пластиковый квадратик, на котором при всем желании я не смог рассмотреть ни единого знака.

– Точно?

– Точнее не бывает. Приложи сюда палец.

Пришлось повиноваться. И едва я осторожно прикоснулся кончиком указательного пальца к девственно белому квадрату, как обнаружил, что стоим мы с экстрасенсом теперь в совершенно другом месте. А именно перед ячейкой (совсем как в камере хранения) с моей фамилией именем отчеством и голографическим изображением.

– И что теперь? – спросил я, ощущая нетерпеливую дрожь.

„Великий и ужасный“ хитро усмехнулся, извлек свой набор взломщика, и немного провозившись с отмычками, приказал:

– Открывай!

Я послушно потянул дверцу на себя, почувствовал, что проваливаюсь в пустоту, и...
вспомнил.

Глава 2

Господи, как же мне было плохо! Желудок судорожно сжимался и разжимался в такт раскачивающейся подо мной полке. Вот уже сутки дизельэлектроход (в просторечии – паром) «Сахалин-8» мотало на рейде возле этого самого Сахалина, как цветок в проруби. На соседней полке маялся мой закадычный друг и главный инициатор этого вояжа – Витька Курицын, которого, я справедливо считал ответственным за наше плачевное состояние. Плачевное, потому что Ольга, обитавшая внизу, кажется, уже начала по-настоящему всхлипывать.

– Сколько это будет продолжаться?! Сил моих больше нет! – раздался стон из глубины ее выворачиваемой на изнанку души.

Мы с Витькой дружно промолчали. А что говорить? Сами же согласились на морской путь, в целях пресловутой экономии. Могли бы и самолетом, так нет же – пожалели свои кровные... Вот жадность фраера и сгубила. Осталось только, призвав на помощь русское народное терпение, утешать себя избитой фразой "И это пройдет...".

Да, пройдет это когда-нибудь?! Еще немного и я просто брошусь в издевающиеся над нами волны, чтобы вплавь добраться до этого чертова острова. Еще немного...

– А я вот слышал, – задумчиво протянул Курицын, – что от качки хорошо пение помогает. Якобы когда человек поет, то все неприятные ощущения постепенно проходят.

– Так что ж ты раньше молчал, – воспряла духом моя половина, – Игорь, запевай!

– Я?!!! Да ты что, Ольга! Если я запою, нас добьет не качка, а пассажиры из соседних кают. Тебе ли не знать – у меня ни, слуха ни голоса.

– Ну и молчи, тебе же хуже. Витя, давай с тобой, нашу коронную...

– Ах, так у вас уже и своя коронная имеется? – подозрительно осведомился я, задетый за живое, – И какая же?

– А вот сейчас услышишь! Витя, три-четыре!

– Пять – вышел зайчик погулять, – донеслось из-за двери вместе с осторожным стуком, – Можно войти?

– Ну, войдите, – приподнялся на локте Витька, подозрительно уставившись на дверь.

В моей душе тут же завывала сирена нехорошего предчувствия: голос показался не только знакомым, но и ассоциировался с какими-то не слишком приятными воспоминаниями. Дверь осторожно приоткрылась и в образовавшуюся щель протиснулась взлохмаченная голова.

– А вот и я, – жизнерадостно провозгласил экстрасенс Андрюша, бочком вползая в нашу каюту, и хватаясь за все, что только можно для сохранения равновесия.

– Черт меня побери! – изумлению Витьки (и моему) не было предела, – Вот так встреча! А чё это вы тут делаете, хотелось бы знать?

– Как это "чё"? Экспедиция у нашего УФО-центра. Очередная. Мы тут опять втроем: я, Валентина и Степан Сергеевич – наш уфологический вождь. А разве Ольга вам ничего не говорила? – в свою очередь удивился Андрей, – Я вас уже сутки по всем каютам ищу! Из трех еле ноги унес, – меня там за маньяка приняли.

Мы с Витькой переглянулись и пристально посмотрели на Ольгу. На что та потупилась, и тяжело вздохнув, покаянно произнесла:

– Ну, не сердитесь, ребята. Они тоже собирались на Сахалин. Тут почти чистой воды совпадение. Я только чуть-чуть его подкорректировала...

– Та-а-а-к... – интонация Витьки не предвещала ничего хорошего, – и что конкретно ты подкорректировала?

– Время, – честно призналась супруга, ища глазами моей поддержки.

Еще бы не искать! Ведь наш дражайший Курицын, помешанный на "черной археологии" искатель древностей и приключений, за разглашение секретной информации условному противнику вполне мог устроить Ольге веселую жизнь.

– Не понимаю, когда это вы успели спеться? – взял я допрос жены в свои руки, дабы бы Витька смог слегка остудить свою возмущенную натуру, а то сейчас пар из ушей пойдет.

– Так они с Валечкой по электронной почте весь год переписывались! – вызвал огонь на себя Андрей, – Во время нашей знаменательной встречи прошлым летом успели обменяться адресами и целый год друг с другом последними сплетнями обменивались. Так что все члены нашего УФО-центра теперь в курсе ваших злоключений. Говорил же: уносите ноги с Шум-горы, пока их вам совсем не оторвали!

И Андрей покосился на наши с Витькой ноги, которым изрядно досталось в прошлогоднем квесте, – до сих пор оба хромаем.

– А вот это называется "сливать информацию", – свесив голову вниз, я в упор уставился на Ольгу, – Может, уже полстраны в курсе наших "злоключений"? Может быть, мы попали в федеральный розыск? – и добавил, понизив голос, – 8 загубленных душ – не игрушки...

– Но ведь это была самооборона! – попыталась оправдаться Ольга.

– Сие еще нужно будет доказать, – мрачно воззрился на нее Витька, – А у нашей судебной системы...

– Да не переживайте так! – Андрей предпринял очередную попытку выгородить нашу "находку для шпиона", – Знаем только мы с Валечкой и Степан. Дальше нас это никуда не пойдет, можете не сомневаться.

– Я просто хотела, что бы мы еще раз встретились, – в голосе жены дрожали готовые пролиться слезы, – Пообщались...

– Некогда нам будет общаться, – проворчал Витька, подозрительно косясь на экстрасенса – Как только пришвартуемся, так сразу и распрощаемся. У вас тут свои дела, у нас – свои. Вам – летающие тарелочки и аномальные явления, нам – созданные человечеством и покрытые пылью веков материальные ценности.

– Да бога ради. Только раз уж мы встретились, неплохо бы это дело обмыть, – подмигнул нам экстрасенс Андрюша.

Ответом ему был наш дружный стон, так как любая мысль о наполнении желудка приводила к очередному приступу морской болезни. И все же, презрев телесные муки, мы собрались в каюте уфологов. К великой радости экстрасенса – большого поклонника алкогольных возлияний.

Водка, как ни странно, немного облегчила наши страдания, а вот с закуской дело обстояло хуже, ее приходилось буквально вталкивать в себя. В результате чего через каких-нибудь два часа мы не только с трудом вязали лыко, но даже оказались в состоянии нестояния. Пришлось вынуждено задержаться, так как при такой качке мы не имели ни единого шанса добраться до своей каюты. Что было дальше – вспоминалось урывками. Кажется, я рассказывал экстрасенсу о своем путешествии в прошлую жизнь и о вынесенном оттуда умении обращаться с мечом, которое мне так пригодились в жизни этой. Андрей понимающе кивал, через слово обзывал меня рыцарем джедаем и грозился взять к себе в ученики. Чем в это время занимались остальные, в памяти не сохранилось. Тоже трепались, наверное.

Утро застало меня лежащим на полу уфологической каюты. Косые солнечные лучи, пробиваясь через иллюминатор, коварно подбирались к моим поджатым босым ногам. Осторожно, чтобы никого не разбудить (все еще крепко спали, причем Ольга и Валентина на одной полке), я стал распрямлять онемевшие конечности, после чего принял коленно-локтевую позу и, бодро перебирая руками, двинулся на поиски пропавших ботинок. Которые вскоре обнаружились в пакете, приспособленном под мусор.

Выбравшись на палубу, я быстренько пришел в себя благодаря пронзительному морскому ветру, и внимательно обозрев горизонт, едва не прослезился от счастья – прямо по курсу протягивал к парому щупальца пирсов вожделенный порт.

Примерно через час наша дружная троица подпирала ворота портовой проходной, разглядывая все проезжавшие машины, в ожидании Витькиного товарища, который должен был предоставить нам временное жилье и устроить экскурсию по интересующим нашего "черного археолога" местам.

– Кой черт нас сюда понес? – сварливо бросил я в пропахшее морем пространство, – А? Что мы забыли на этом забытом богом острове?

– Не забыли, а ищем, – поправил озабоченный Курицын, поглядывая на часы (его приятель опаздывал уже на сорок минут), – В данный момент меня интересует историческое наследие Страны Восходящего Солнца, частью которой являлся Южный Сахалин до 1945 года.

– У тебя же другая специализация! – не выдержала Ольга, забыв о том, что Витька демонстративно ее игнорировал, – Ты древностью интересуешься, а здесь, ну, столетний, может быть пласт, не больше... Что тут можно ценного отыскать, кроме схронов с японским оружием? Ведь тебя не это интересует?

– Верно, не это. Только дело в том, что после окончания Второй мировой войны японское население отсюда интернировали, и при этом запретили вывозить, что-либо ценное. И потому все, что хотя бы отдаленно могло представлять интерес для советских карающих органов, было аккуратно спрятано японцами, не потерявшими надежду на скорое возвращение. Мне Виталия рассказывал, что один местный "черарх" (в переводе с Витькиного на русский – "черный археолог") изумрудное кольцо нашел и еще кое-что из золотишка...

Н-да. Теперь понятно страстное желание Курицына провести свой отпуск здесь. Конечно, Витьку больше интересовал процесс, нежели результат, но... "золото"!

– Между прочим, тебе тоже небезынтересно будет в здешних лесах покопаться, – друг детства хитро посмотрел на меня, – Тут после войны, говорят, самурайские мечи, на которых ты в последнее время помешался, пачками находили и кощунственно использовали для колки дров.

Вот змей-искуситель! Знает на чем меня подловить можно. Самурайские мечи... Не отказался бы найти парочку. Но...

– Вряд ли это были самурайские мечи, – скучным тоном протянул я, – Если находили пачками – то вряд ли. Скорее это поставленные в 20 веке на поток обычные военные катана. Была у японцев такая мода в связи с подъемом национализма. Конечно, некоторые офицеры действительно носили фамильные самурайские мечи, сделанные в 17–18 веках, а то и раньше, но найти такой меч практически нереально.

– И какова их стоимость сейчас? – полюбопытствовал Витька.

– Не знаю, не интересовался. Но не думаю, что баснословная. Скорее такие мечи представляют ценность как фамильные реликвии, чем как объект купли-продажи.

– Все это очень занимательно, – вмешалась Ольга в наш непостижимый для женского разума сугубо мужской разговор, – но не слишком ли долго мы тут торчим?

– А может быть не стоит торчать? – донеслось из окна затормозившего рядом микроавтобуса "Мицубиси-Делика".

Важный, как Наполеон, главный уфолог Степан Сергеевич, восседавший на переднем сидении, начальственно поманил нас рукой:

– Чего зря время терять, поехали с нами. Мы вас до местной столицы добросим, а там уж найдете своего непунктуального приятеля.

Витька немного поколебался для сохранения имиджа, и, приняв точно такой же наполеоновский вид, скомандовал своим подчиненным (то есть нам):

– Грузитесь.

Первое, что поразило меня на богом забытом острове – невиданное ранее количество японских автомобилей. В потоке "Тойот", "Ниссанов" и "Мицубиси" единичные экземпляры отечественных авто выглядели жалко и потеряно. Н-да-а, если забывчивость божества означает такое количество иномарок, то что будет, когда он об этом Сахалине вспомнит?

А в остальном Южно-Сахалинск ничем не отличался от сотен российских городов. Та же хрущевско-брежневская архитектура, те же рекламные щиты на главных улицах, тот же ассортимент в магазинах, те же озабоченные лица жителей. Вот только среди этих лиц довольно часто попадались лица "дальневосточной национальности".

– Вас, что уже Китай оккупировал или Япония снова права на Северные территории предъявила? – удивленный обилием представителей желтой расы, спросил Витька у водителя – улыбчивого малого Алексея Звягинцева, который по совместительству занимал должность зам преда местного УФО-центра.

– Ни то, ни другое, – покровительственно усмехнулся тот, – Это – корейцы. Их сюда еще японцы завезли, как дармовую рабочую силу. Потом японцев выселили, а они остались. Так и живут. Сейчас в УФО-центр приедем, и познакомлю вас с главным сахалинской достопримечательностью – корейской кухней. У-м-м. Пальчики оближешь!

– Да мы вообще-то собирались к приятелю на постой устраиваться, – задумчиво протянул Курицын, разрывающийся между двумя желаниями: начистить этому приятелю морду за опоздание, и снять пробу с местных деликатесов.

– Одно другому не мешает, уважаемый Виктор, – покровительственно изрек Степан Сергеевич, – Пообедаем в месте и езжайте устраиваться. Согласны?

– Согласны! – дружно закивали мы с Ольгой, так как за последние двое суток по причине морской болезни баловали свои желудки едва ли половиной обычного дневного рациона.

Витька, считавший себя главнокомандующим, возмущенный таким злостным нарушением субординации, соорудил недовольную мину, укоризненно покачал головой и ... сдался.

УФО-центр города Южно-Сахалинска уютно разместился в переделанной колясочной обычной девятиэтажки. Первое, что бросилось в глаза, когда мы с рюкзаками на плечах ввалились в небольшую комнатенку, где обычно проходили все заседания центра, был висевший над председательским креслом портрет. Вместо знакомых черт нынешнего президента или, на худой конец, местного губернатора, из-за обрамленного бронзовой рамкой стекла на нас укоризненно взирал зеленый инопланетянин, удерживающий в длиннопалой руке непропорционально маленький земной шар. А в другом углу коптила масляная лампада, освещавшая скорбный лик Богородицы. Воистину: "все смешалось в доме ...".

Передав нас с Ольгой под начало Алексея в качестве помощников по накрытию стола, Витька оккупировал телефон и принялся нервно названивать провалившемуся в тартарары приятелю. Но все попытки оказались безуспешными – никто не брал трубку. А мы в это время в соседней комнате трудились в поте лица, раскладывая по тарелкам хваленые корейские закуски, под комментариями Звягинцева.

– Это не червяки, не бойтесь, – успокоил он нас, растерянно уставившихся на коричневые извивы очередного блюда, – всего лишь молодые побеги папоротника. А это – морской виноград и морская капуста. Вот это – осьминог, здесь – лопух и пророщенная соя. И на горячее – кидян. Мясо такое. Почитается корейцами за самый крутой деликатес. Сейчас Андрей со Степаном аппаратуру свою перетаскают и можно будет садиться.

В подтверждение его слов в дверях показались упомянутые личности, с ног до головы увешанные какими-то приборами.

– Куда можно сложить наше барахло, Алексей Батькович? – мученически спросил согнутый в три погибели экстрасенс, указав на соседнюю дверь – В ту комнату?

– Нет-нет – это щитовая, все никак табличку "Не входи, убьет" повесить не соберусь. Сюда несите, места хватит. В одном углу аппаратура, в другом вы спальники постелите. Ночь перекантуетесь, а завтра я вас на место отвезу. Вода есть, плитка, чайник..., одна только проблема – удобства во дворе. Так что придется вам за частные гаражи бегать, благо тут недалеко. Ну, давайте, зовите отсутствующих, не то я сейчас слюной захлебнусь.

Когда все, наконец, собрались у накрытого стола, Звягинцев достал обязательный черпак, быстро наполнив наши стопки, провозгласил тост "за знакомство", и закусил ближайшим к нему корейским блюдом. Мы все дружно последовали его примеру и... увидели небо в алмазах, через прозрачные линзы наворачнувшихся на глаза слез. Сказать, что блюда были острыми – значит, ничего не сказать. Острее мог быть, наверное, лишь хорошо заточенный кинжал. А посему все наинулись на мясо не столь обильно приправленное перцем.

Алексей, глядя на наши покрасневшие лица, удовлетворенно хмыкал и улыбался невинной детской улыбкой, которая вызвала у меня смутные подозрения. По всему было видно, что нас ожидал какой-то подвох. "Скорее всего, именно в этих корейских блюдах и зарыта собака", – подумал я. И оказался-таки прав, причем в самом буквальном смысле!

– Ну, вот, – торжественно провозгласил Алексей, когда на столе уже практически ничего не осталось, – теперь вы прошли, так сказать, боевое крещение и в полной мере вкусили нашей кулинарной экзотики.

– Большое спасибо, – с чувством поблагодарила его Ольга, – все было очень вкусно. Особенно мясо. Такой нежной баранины мне давненько попробовать не доводилось!

На лице Звягинцева отразился целый коктейль противоречивых чувств, в котором, бесспорно, преобладало удовлетворение. Причем такое, какое испытывает ученик, подложивший кнопку на учительский стул, наблюдая как "обожаемая" Марьиванна опускает на него свой зад.

– Что вы! Какая же это баранина! – Алексей сделал вид, что обиделся, – Это – самая настоящая собака, я ее неделю у знакомых корейцев выпрашивал. Экзотика – так экзотика!

Гробовая тишина, установившаяся за столом, через мгновение была нарушена женскими всхлипами, общий смысл которых сводился к тому, что "Жучку жалко". Мужская же часть нашей компании стоически приняла к сведению эту сногшибательную информацию, и упорно боролась с приступами подкатывавшей тошноты.

Когда все понемногу пришли в себя, Витька объявил, что оставит нас здесь, а сам отправится к товарищу, не оправдавшему его высокого доверия. На разборки. Алексей, пытаясь загладить неловкость, вызвался его подвести. А мы с Ольгой, оставшись наедине с уфологами, неожиданно для себя согласились на предложение экстрасенса Андрюши: на всякий случай сбегать за очередным черпаком, дабы использовать его в качестве внутреннего дезинфекционного средства. Таким образом, вернувшийся чернее тучи Курицын застал нас уже весьма довольными жизнью.

Ярость главнокомандующего не поддавалась описанию. Он периодически метал громы и молнии, поминая недобрым словом зеленого змия и подозрительно косясь на наши не вполне вменяемые лица. Оказывается, его приятель уже три дня как находился в состоянии беспробудного запоя и, следовательно, ни о каком ночлеге и экскурсии не могло быть и речи. А стало быть, нам придется тащиться в ближайший лес, ставить палатку, а потом бродить по округе в тщетной надежде набрести на закопанные самураями сокровища.

– Зачем вам куда-то идти? – удивился Степан Сергеевич, – Ночуйте с нами. Места всем хватит.

– Не только ночуйте, но и присоединяйтесь к нашей экспедиции, – предложил Андрей, – Вам ведь теперь все равно где бродить, а вместе веселее. Верно, Сергеич?

– Конечно, – милостиво кивнул главный уфолог, – Совместный опыт у нас уже был, так, что можно сказать вы люди проверенные...

Витька переводил взгляд с одного на другого, и все не мог решиться, хотя особого выбора у нас не было. Чашу весов в пользу переквалификации археологов в аномальщиков склонил Алексей, предложив свои услуги в качестве добытчика информации:

– Да не переживай ты так, Виктор! Пока вы будете тарелочки ловить, я свои каналы задействую и к вашему возвращению предложу пару перспективных мест. Вернетесь – покопаетесь в свое удовольствие. Идет?

– Идет, – скрепя сердце согласился Курицын, – Но если мы с ребятами обнаружим заброшенную летающую тарелку, то все артефакты поступают в полное наше распоряжение! В качестве компенсации.

Ночью я опять увидел сон, регулярно посещавший меня всю последнюю неделю. Лучше бы, конечно, его не видеть, но когда это сны интересовались нашим мнением? А снился мне один знакомый маньяк по прозвищу Вещий Могильщик (мир его праху), со счастливой садистской улыбкой вырезающий руны на моей груди. Проклятый сон снова и снова заставлял меня проживать этот печальный эпизод моего недалекого прошлого во всех подробностях и ощущениях. Дошло до того, что я стал до паники бояться наступления темноты и всеми силами сопротивлялся Морфею. Но все напрасно. Сон повторялся с настырностью страхового агента, и когда меч в руке Могильщика направлялся к моей шее, я, едва сдержав крик, просыпался в холодном поту, рефлекторно потирая шрам на горле. Но сегодня все пошло не так. Мне не удалось проснуться вовремя и серебристо-фиолетовый клинок завершил предназначенный ему путь. Хруст разрушаемых шейных позвонков, слился с моим предсмертным криком, который продолжал вибрировать в комнате даже после пробуждения.

Нет! Это был вовсе не мой крик: нечленораздельные вопли доносились из-за неплотно закрытой двери. Бросившись на помощь с рвением юных тимуровцев, мы с Витькой стукнулись лбами в проходе, и, выскочив в коридор, чуть еще раз не стукнулись о приоткрытую дверь щитовой. Крики, к этому времени перешедшие в стоны доносились именно оттуда.

В узкой полосе света, упавшего из коридора, нам удалось разглядеть сидящего на полу экстрасенса Андрюшу, который, обхватив себя руками, изображал метроном, раскачиваясь из стороны в сторону, и горько жаловался на судьбу. Один из железных шкафов, скрывавших в себе электрическую начинку, был распахнут настежь, так что не составляло особого труда угадать причину переполоха.

– Ну, не сориентировался я! – каялся нам Андрей, прихлебывая горячий сладкий чай, заваренный по такому случаю собственноручно Витькой, – Спросонья показалось, что у себя дома нахожусь... Вот и пошел в туалет знакомым маршрутом. Помню, еще удивился: откуда в моем туалете вторая металлическая дверь. Открыл ее, руку вперед вытянул – темно ведь, а меня ка-а-ак шарахнет! И искры вокруг, искры. Не знаю даже из глаз или из рубильника.

– Да что же у меня за экстрасенс такой? – горестно спросил Степан Сергеевич, – Ты ведь должен своим третьим глазом все насквозь видеть, а ты...

– А я насквозь, как раз, и вижу! – вяло отбrehивался Андрей, – Вот только в темноте пока не получается.

Мы еще сколько-то посидели, гоняя чай и обсуждая достоинства и недостатки "третьего глаза", а потом расползлись по спальникам досматривать прерванные сны. И только я таращил бессонные глаза в уфологический потолок, опасаясь нарваться на продолжение своего кошмара. Вот тут – то меня впервые и посетила мысль о том, что этот дурацкий сон напрямую связан с нашим нынешним путешествием. Не к добру это все. Не к добру. А если учесть, что мои прошлогодние предчувствия попали в самое яблочко... Нет, ерунда! Это у экстрасенсов током дернутых всякие предчувствия, а у меня просто психологический срыв. Ведь сегодня ровно год исполняется с момента появления священных рун на моей груди. Первая – Ас, потом – Яра... Тюр... Рейд... Дагаз...

Не успел я перебрать в уме весь набор, как опять провалился в сон. Слава богу, без сновидений.

Проснувшись утром слегка не выспавшимися (кроме ночного переполоха, сказывалась и разница во времени), мы взбодрились для разнообразия с помощью пробежки за гаражи и крепко заваренного кофе. После чего прослушали вводную лекцию главного уфолога Степана Сергеевича Семагина о необходимости соблюдения дисциплины в зонах аномальных явлений и на борту НЛЮ, с нетерпением ожидая запропастившегося куда-то Звягинцева. Через два часа, мы уже стали беспокойно переглядываться, а Витька попытался вывести научную теорию о непунктуальности, как отличительной черте загадочной сахалинской души. Так, что когда Алексей появился на пороге, для него уже был подготовлен более чем теплый прием. Но все слова умерли, не успев слететь с губ, едва мы взгляделись его лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.